ДБ
450
В40

"Взрыв
25 сентября
1919 г."

М., 1920.

Московский Комитет Р. К. П. (большевиков).

„Пролетарии всех стран соединяйтесь!“

ДБ
450
В40

45

~~БИ~~ 4

ВЗРЫВ

25 сентября 1919 г.

в помещении М. К. Р. К. П.
по Леонтьевскому пер., 18.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.
Москва. — 1920.

БИБЛИОТЕКА Г. И. М.
27584
29 - XI 1930 г.

1-я Государственная типография (бывш. И. Д. Сытина), Пятницкая, 71.
МОСКВА. — 1920.

Памяти жертв взрыва в Леонтьевском.

Это было трудное время. Наступал Деникин, наступал как никогда. Голод. Ряд белогвардейских заговоров в Центре Республики.

Партия и Советская власть напрягли, что называется, последние усилия для того, чтобы поддержать революционный дух масс, отбросить наседавшего врага и вырвать с корнем контр-революционные вспышки. Это было в последних числах сентября прошлого года. В Москве работа кипела. В частности Московская Организация партии ежедневно устраивала десятки и сотни митингов, лекций, докладов и сообщений. Тогда же решено было укрепить и систематизировать в Москве партийное школьное дело.

Для этого, кажется, за неделю до взрыва было созвано специальное заседание лекторской группы, на котором решено было поставить в районах школы II ступени (для подготовленных), программа коих была утверждена, а распределение лекторов и план работы постановлено было обсудить на следующем заседании. Но раньше, чем это собрание состоялось, в Москве произошли крупные события; был разгромлен так называемый Национальный Центр, и среди рабочих пошло сильное возбуждение против белогвардейцев; нужно было пустить в ход весь агитационный аппарат нашей организации.

К этому времени подоспело второе заседание лекторов, назначенное еще заранее на 25 сентября вечером. В виду раскрытия заговора решено было воспользоваться назначенным собранием, и на нем заслушать ряд сообщений, могущих выяснить фактическую сторону вопроса, и, тем самым, подготовить материал для районных агитаторов. Кстати сказать, чуть ли не на следующий день в районах были назначены «пятничные» митинги, посвященные заговору.

На собрании присутствовало по меньшей мере 150 товарищей; состав собрания—литераторы, лекторы, агитаторы, районные организаторы и часть высшей партийной школы, подготовлявшаяся к агитаторско-пропагандистской деятельности. В порядке дня собрания стояло два вопроса: сообщение о раскрытом заговоре в виде материалов для выступающих на митингах и постановка партийных школ в районах. То, что говорилось потом в эсеро-анархистских листках—что якобы собрание имело целью обсуждение вопросов, связанных с репрессиями над некоторыми группами населения Москвы,—все это было сущей чепухой. Собрание носило характер всех партийных собра-

ний, но интерес к нему был необычайный, в виду важности и особенности вопросов, стоящих в порядке дня.

После деловых сообщений о заговоре т. т. Покровского, Бухарина и Преображенского, собрание несколько разрядилось. Наиболее заинтересованные в первом вопросе и не связанные со школьной работой товарищи покинули собрание. Момент действия для террористов несколько был упущен. Началось обсуждение второго вопроса, как после некоторого замешательства, произведенного брошенным в комнату каким-то предметом, раздался оглушительный взрыв. Не стану описывать сцену катастрофы, о ней говорится в настоящей книжке.

Теперь выясняется, что это было делом рук группы левых эсеров, долгое время скрывавшихся под маской анархистов «подполья». Эсеры великолепно были ориентированы во всей обстановке, в которой происходило собрание. Ведь бывшее помещение М. К. Р. К. П. раньше занималось Ц. К. левых эсеров. Таким образом, не приходится говорить о той оплошности, которую якобы допустили устроители собрания, когда, как это указывалось, они не приняли никаких мер предосторожности. Ведь раньше наши партийные здания и собрания не охранялись. Единственную оплошность, которую допустили товарищи из М. К., это то, что они заранее опубликовали в газетах список видных и количество районных товарищей, обязанных присутствовать на этом собрании. Но это было сделано с целью обеспечения полноты собрания. Такое правило, нужно теперь сознаться, к сожалению, было в практике Московской Организации.

25 сентября из наших рядов было вырвано 12 активных и передовых товарищей, а из строя временно выбыло несколько десятков тяжело и легко раненых, к некоторым из коих до сих пор не возвращается здоровье. Мы понесли большие жертвы; их пролетариат Москвы оценил в полной мере как на состоявшихся на следующий же день после взрыва многочисленных и многолюдных митингах, так и на похоронах; их оценили рабочие России через многочисленные сочувственные телеграммы и резолюции, которые в сентябрьские дни приходили в Москву со многих местностей Республики.

Эту книжку Московский Комитет нашей партии посвящает памяти жертв взрыва 25 сентября. Пусть она будет скромным памятником над их великой братской могилой, возвышающейся под стенами победоносного Кремля.

А. Мясников.

27 апреля 1920 года г. Москва.

ОТ РЕДАКТОРА.

Настоящая брошюра—оттиск из «Красной книги В. Ч. К.».

Первая глава—обстоятельства взрыва 25 сентября, сведения о погибших и пострадавших товарищах—составлена на основании данных, собранных Московским Комитетом Р. К. П., материалы для следующих двух глав—литература анархистов подполья и следственный материал по делу анархистов подполья—нами добыты из архива М. Ч. К.

Фотографии для иллюстраций предоставлены нам частью «Центропечатью», частью—М. Ч. К.

Благодарность всем товарищам, оказавшим содействие в составлении брошюры.

П. Макинциан.

Взрыв 25 сентября 1919 года в помещении Московского Комитета Р. К. П., по Леонтьевскому пер., 18.

I.

25 сентября в помещении Московского Комитета Р. К. П. (по Леонтьевскому пер.) собрались партийные ответственные работники Москвы, представители районов, лектора, агитаторы и пр. для обсуждения вопроса о постановке агитации и выработки плана работы в партийных районных школах. Собралось около 100—120 товарищей. Присутствовали представители всех районов, кое-кто из высшей партийной школы, видные лектора и агитаторы нашей партии. Вся эта масса тесно разместилась в небольшой комнате. После доклада тов. Бухарина, Преображенского и Покровского собрание стало разбирать представленный план организации школ. Когда приступили к обсуждению этого вопроса, часть собравшихся стала расходиться. Движение и шум мешали вести заседание, а потому желающим уйти председатель собрания т. А. Ф. Мясников предложил выйти поскорее. В это время, приблизительно со стороны предпоследнего ряда, близ окна в сад, раздался звучный треск, наподобие выстрела. Присутствующие шарахнулись к дверям, где моментально образовались пробки.

По словам очевидцев, тов. Загорский (секретарь М. К.) из-за стола Президиума бросился в сторону выстрела, к месту падения снаряда, с целью предотвратить опасность; на ходу он крикнул: «спокойнее, ничего особенного нет, мы сейчас выясним, в чем дело». Этим он, повидимому, внес некоторое успокоение, чем были предотвращены сутолока и давка. Значительная часть присутствовавших успела выйти из комнаты. Все это заняло около 45 секунд, и едва тов. Загорский договорил последнее слово, как раздался оглушительный взрыв. Как только рассеялось первое впечатление, сейчас же было дано знать о случившемся в Московский Совет, во все районы, Ч. К., были потребованы кареты скорой помощи, медицинский персонал и пожарные. Через 15 минут уже кипела работа по извлечению трупов, тяжело раненых и отправки в лазареты и госпитали. Легко раненым здесь же были сделаны перевязки. Работа длилась всю ночь. Больше всех пострадали товарищи, сидевшие в средней и задней части комнаты; товарищи, сидевшие в передовых рядах и в Президиуме, отделались незначительными ушибами и контузиями.

На место взрыва вместе с другими, стремившимися оказать помощь пострадавшим, явился почти в полном составе пленум Московского Совета.

Дом, в котором помещался Моск. Комитет партии, двух'этажный особняк, бывш. графини Уваровой. Раньше здесь помещался Моск. Ком. и Ц. К. Партии левых эсеров. Бомба была брошена с самой удобной и подходящей стороны—со стороны Бол. Чернышев-

Фасад помещения Моск. Ком. по Леонтьевскому пер.

ского пер., от которого дом отделяется небольшим садом. С этой же стороны дома, во втором этаже, находится тот большой зал, где происходило заседание. Преступник, прекрасно знакомый с помещением, бросив бомбу как раз в средину собрания со стороны сада, скрылся в сторону Чернышевского пер. через единственную калитку, которая оказалась выбитой.

Жуткую картину разрушения представляет этот дом после взрыва. Фасадная часть дома, выходящая в Леонтьевский пер., сравнительно мало пострадала, хотя и здесь выбиты все стекла, местами вырваны рамы, сорваны двери и у наружной стены дома целые кучи мелкого

битого стекла. Сравнительно мало пострадала широкая лестница, ведущая из фасадного вестибюля наверх, но зато в задней половине дома, наверху, почти ничего не осталось целым. В полу большого зала бомба пробила громадную брешь, арш. 4 в шир. Какова была сила взрыва, можно судить по тому, что в полу оказались переломленными 2 толстые балки по $^1/_2$ а. ш. в квадрате. Вся задняя часть дома вывалена в сад вместе с отброшенной туда железной крышей. В саду—громадные куски железа и груды разных обломков, отброшенные почти до самой задней стены сада. Все говорит за то, что была брошена бомба не моверно разрушительной силы, и двойной удар об'ясняется очевидцами тем, что бомба взорвалась не сразу. Сначала раздался треск ударника, после чего послышалось шипение как бы горючих веществ и между ударом ударника и взрывом бомбы прошло 30—40 секунд.

Еще накануне тела погибших товарищей были перенесены из Моск. Совета и больниц в Дом Союзов. Среди огромного зала с декорированными красными и черными колоннами, на специальном возвышении утопали в цветах и венках 9 цинковых гробов. Вокруг них неподвижно выстроился, со знаменами в руках, почетный караул из рабочих и красноармейцев. Все люстры, канделабры и свечи были зажжены. До поздней ночи приходили в зал отдать последний долг павшим товарищам.

28 сентября одна за другой с музыкой и знаменами стали подходить, согласно намеченному плану, рабочие организации, представители районов и воинские части. Надписи на знаменах ярко иллюстрируют настроение московского пролетариата в тот момент.

«Ваша мученическая смерть—призыв к расправе с контр-революционерами!»

«Ваш вызов принимаем, да здравствует беспощадный красный террор!»

«Бурлацкая душа скорбит о вашей смерти, бурлацкие сердца убийцам не простят!»

«Не будем плакать об убитых, тесней сомкнем свои ряды!»

«Вас убили из-за угла, мы победим открыто!»

С раннего утра Колонный Зал постепенно наполнился родственниками, знакомыми и товарищами, пришедшими проститься с погибшими. Присутствовали представители В. Ц. И. К., Р. К. П., Московского Совета и мног. др. организаций, среди них: тт. Калинин, Троцкий, Каменев, Покровский, Бонч-Бруевич и мн. других.

От Дома Союзов до самой Красной площади растянулась процессия. Впереди гробов несли бесчисленное множество венков, за гробами потянулись родственники, затем представители В. Ц. И. К., Совнаркома, Ц. К. Р. К. П., Московск. Совета, а дальше—нескончаемое число рабочих организаций.

Стройными рядами выстроились представители всех военных курсов и всех частей московского гарнизона.

Гробы с телами мучеников за коммунизм были опущены в общую братскую могилу, после чего выступил с речами ряд ораторов: тт.

Каменев, Троцкий, Калинин, Зиновьев, Мясников, Балабанова и Садуль.

По случаю гнусного убийства во всех районах Москвы были устроены митинги, на которых были вынесены резолюции протеста против покушения на лучших представителей московского и всероссийского пролетариата, с выражением соболезнования Ц. К. и

Место взрыва.

М. К. Р. К. П. Телеграммы и целый ряд резолюций были получены также с фронтов и провинций, в которых красноармейцы и рабочие выразили глубокую скорбь по утрате стойких борцов за социализм, призывая к красному террору, клянясь за каждую голову наших вождей снять тысячи вражеских голов

Настроение—смелое и твердое, взгляд—бодрый и уверенный, сердце, полное ненависти к врагам, рука, крепко сжатая для сокрушительного удара,—вот результат подлого проявления бессильной злобы и остервенения белогвардейцев и их сознательных и бессознательных пособников.

Сведения о товарищах, убитых при взрыве 25 сентября 1919 года.

1. Волкова, Мария, сотрудница Губкома Р. К. П.

Скончалась 29 сентября от ран.

Работала с ранних лет на фабрике Прохоровской мануфактуры. В 1918 году вступила в партию коммунистов. Приехавши в мае 1919 года с восточного фронта, где пробыла 6 месяцев, она была делегирована в Центральную партийную школу, где мечтала подготовиться к партийной работе, но 25 сентября была тяжело ранена в обе ноги, в левую руку, потеряла левый глаз, получила сильную контузию, осложнившуюся воспалением легких, печени и мозга. Находясь в больнице, она говорила: «это пустяки, я скоро поправлюсь и с одним глазом еще злее буду преследовать белогвардейцев!»

2. Игнатова, Ирина Матвеевна, работница Хамовническаго района Р. К. П.

Тов. Игнатова работала в красильне Лямина, затем в нескольких местах—прислугой. В период войны она поступила кондуктором трамвая. Во время переворота 17 года, в октябрьские дни она работала на улице, не спала по ночам и тогда же вошла в партию большевиков. Последнее время она отдала себя целиком работе среди женщин.

Она ни минуты не думала о себе, все отдавала революции, но рука преступника прервала ее жизнь.

3. Загорский, Владимир Михайлович, секретарь Моск. Комитета Р. К. П.

Тов. Загорский, партийная кличка Денис, родился в 1883 году в Нижнем-Новгороде. С 19-летнего возраста он был вовлечен в революционную борьбу. Первое его выступление было связано с демонстрацией Сормовских рабочих и учащейся молодежи Нижнего-Новгорода, где он был арестован, судился и был сослан в Енисейскую губ. В 1904 году он бежал в Швейцарию, где примкнул к большевистской организации. В начале 1905 года вернулся нелегально в Россию, участвовал в революции, после чего остался жить в Москве в качестве партийного профессионала. Провал Московской организации вынудил его в 1908 году уехать в Англию, откуда он вернулся в Россию в 1910 году. Новый провал Саратовской организации пере-

Тов. Загорский.

бросил его в Германию. В конце войны России с Германией В. М. возвращается в Россию и назначается в состав нашего посольства в Берлине. Летом 1918 года он снова работает в России в качестве работника Московского К-та Р. К. П. (большевиков). Далее он выбирается секретарем М. К. и до последнего времени работал энергично, не покладая рук, с утра до глубокой ночи. Он умер на своем посту бесстрашно, пожертвовав собою ради спасения других.

Женщина—т. Николаева, мужчина—т. Сафонов.

В момент взрыва тов. Загорский быстро ринулся в сторону выстрела, где шипела и дымилась брошенная бомба. Он распростер руки и крикнул: «Товарищи, успокойтесь, это случайный выстрел из кармана». Он успел приблизиться к месту, откуда раздавалось шипение, шага на полтора от него, и едва только произнес последнее слово, раздался оглушительный взрыв.

Так погиб революционер под обломками рухнувшего графского дома, до последнего момента самоотверженно оставшийся на посту,

не только пренебрегая опасностью, но первый устремляясь в нее с безумной отвагой.

4. Николаева, Анфиса Федоровна, секретарь железнод. райкома Р. К. П.

Тов. Николаева недолго работала в железнодорожном районном комитете. Раньше она была в Рогожском районе. Удивительно чуткая и безукоризненно внимательная вообще ко всей своей работе, она была отзывчива к каждому товарищу, обращающемуся к ней с деловыми или личными вопросами. На мертвом изуродованном лице остался яркий отпечаток оборванной спешной работы.

5. Разоренов-Никитин, Георгий Никитич, раб. Ал.-Ростокинского районного Комитета Р. К. П. (агитатор).

Родился в 1886 году, по профессии цинкограф. Еще в 1903 году тов. Разоренов принимал горячее участие в первой забастовке типографов г. Москвы и участвовал в боях на баррикадах в 1905 г. В 1907 году тов. Разоренов был избран секретарем профессионального союза печатников Москвы, за что впоследствии был арестован и выслан вместе с другими товарищами из газеты «Правда» в числе 27-ми человек. По возвращении из ссылки Разоренов опять принял горячее участие, как член партии меньшевиков. В этой партии он состоял до октябрьского переворота, когда вышел из партии меньшевиков и, как истинный рабочий, вступил в ряды Р. К. П. С ноября он работал в Ал.-Ростокинском районе, затем—при Р. Ч. К., где принимал горячее участие в борьбе с контр-революцией. В 1918 году т. Разоренов был делегирован от района в Мопленбеж в агитационный отдел на должность заведующего. Он принимал горячее участие в издании газеты «Военнопленный», редактором которой состоял до весны 1919 года. В мае 1919 г. он был делегирован в Гомель и считался одним из видных агитаторов и организаторов в Белоруссии и Украине. По приезде в Москву т. Разоренов остался при районном комитете Р. К. П. в агитационном отделе, в качестве агитатора, главным образом в подотделе женщин-работниц, на каком посту и погиб от предательской бомбы.

6. Титов, Григорий Васильевич.

Г. В. Титов (Александр Игнатьевич Кудрявцев) родился в 1886 г. в дер. Верещагино, Сол галического уезда, Костромской губ. После смерти отца, мать отдала его 12-летним мальчиком на «ученье» к подрядчику в Петербург, где он изучал малярное ремесло. В Петербурге тов. Титов очень рано становится сознательным рабочим и 1905 г. встречает его вполне подготовленным. С 1912 г. он уже в рядах партии. С 1915 г. он ведет активную работу, как профессиональную, так и партийную в Москве. Под его руководством печатаются

и распространяются прокламации с протестом против империалистской войны. Он организует много рабочих кружков, главным образом, в Лефортовском районе. До октябрьской революции и во время ее т. Титов очень много работает по заготовке оружия, по вооружению рабочих, по укреплению района, устройству окопов и, наконец, мы его видим с винтовкой в руках при взятии Алексеевского училища.

Внизу—т. Кваш, повыше—т. Кропотов.

В декабре 17 года, в качестве красногвардейца, т. Титов отправляется на Украину против гайдамаков, в феврале 18 г. против немцев в Оршу. По приезде с Украины т. Титов снова собирается в поход, в начале лета 18 г. отправляется с отрядом (20-м сводным полком) на Урал, против Дутова. Там их застигает чехо-словацкое восстание и они оказываются отрезанными от центра. С большими трудностями пробиваются остатки полка через Оренбургские степи и Туркестан—в Москву к концу августа. Но и тут тов. Титов не засиживается. В Москве организуется рабочая дивизия и т. Титов снова на фронте, против Краснова, в качестве комиссара одного из рабочих полков. По очищении неприятелем казачьих местностей он деятельно работал по

организации местной власти. Прослышав, что Виленский полк отказался выступать против большевиков и вернулся в свою станицу во главе с ка аком Фоминым, тов. Титов еще с двумя товарищами, совершенно безоружные, решили пробраться через фронт в станицу Вешинскую, чтоб окончательно разложить полк, разоружить его. И действительно, рискуя попасть в лапы верных Краснову войск, он пробрался в станицу, 2 дня митинговал, привлек окончательно на свою сторону Вешинский казачий полк, выпустил воззвание к населению и, закончив с успехом свою задачу, благополучно вернулся в свой полк. Результаты этой геройской экспедиции не преминули сказаться: после Вешинского полка стали сдаваться и другие казачьи полки и мы почти без боев прошли большую часть Донской области. Тов. Титов первый произвел опыт, давший впоследствии прекрасные результаты—навербовал из перебежчиков колчаковцев-добровольцев полк в несколько тысяч, оказавшихся беззаветными бойцами.

Маляр и пильщик по профессии, тов. Титов был революционером по призванию и за время революции вырос в большого организатора и стойкого борца за идеалы коммунизма.

7. Халдина, Аня, сотрудник Московского Комитета Р. К. П.

Аня из буржуазной среды. Революция застала ее почти ребенком на институтской скамье. Чуткая и отзывчивая, она с жадностью глотала слова о великой борьбе рабочего класса, исходившие из уст одного из ее учителей, старого революционера, вместе с ней погибшего т. Кропотова. Революционные события захватили ее, она по ночам стала читать марксистскую литературу. Все больше и больше начинает она тяготиться домашней обстановкой. Разногласия на политической почве начинают принимать все более резкий характер и она, 16-летняя девочка, воспитанная няньками и мамками, не приученная ни к какому труду, уходит из дому. Последний год она буквально голодала, но никто никогда не слыхал от нее ни одной жалобы. Последнее время она рвалась на фронт. «Величайшим для меня огорчением было бы умереть просто, по-мещански. Уж если погибать, так в революционной борьбе», нередко говорила она.

Ее желание сбылось: она погибла на своем революционном посту.

8. Кропотов, Николай Николаевич, член Московского Совета.

Тов. Кропотов родился 8 ноября 1873 г. В 1894 г. он кончил Седлецкую гимназию, в 1909 г.—Московский Университет по юридическому факультету. Адвокатурой, однако, он не занимался. а пошел в педагоги. Преподавал русский язык, латынь и историю в разных учебных заведениях сначала в провинции, а с 1913 г.—в Москве.

За участие в студенческих волнениях 1899—901—902 гг. был арестован и сидел в тюрьме. По освобождении тов. Кропотов, как. социал.-демократ, руководит рабочим движением в Орехове-Зуеве,

где на фабрике Морозова он работал в качестве статистика. Снова последовали арест и тюрьма.

С 1905 г. тов. Кропотов — большевик и теснейшим образом связан с Московским Комитетом партии.

Внутри помещения М. К. после взрыва.

После поражения рабочих в 1905 г., тов. Кропотов, не порывая связи с партией, отстраняется от непосредственной активной работы и лишь революция 17 года вновь захватывает его.

Мы его видим в Московском Совете то в качестве комиссара таможни, то члена Дежурной Коллегии Совета.

Перед кончиной тов. Кропотов вел занятия в партийных школах, организованных Московским Комитетом Р. К. П., и, как лектор, был приглашен на заседание 25 сентября.

9. Александр Сафонов.

Тов. Сафонов родился в 1875 году, в Костромской губ., Галичского уезда, в дер. Фроловское.

13-ти лет его привезли в Москву и отдали в ученье на экипажную фабрику, где в течение 3—4 лет он «специализировался» по окраске экипажей. После выучки земляки устроили его на Курские мастерские, в малярный цех. Поработав года два, он уезжает в Ригу на ту же работу в вагонных мастерских. Тут же принимается за самообразование. Солдатчина отрывает его от занятий на четыре года. Далее он проходит целый ряд учреждений в г. Ярославле в качестве смотрителя детского приюта, конторщика, счетовода на городском водопроводе. Все это время он продолжает работать над собой. Ему удается сдать экзамен на звание домашнего учителя. С 1904 г. он вступает в с.-д. организацию г. Ярославля, 1905 г. захватывает его целиком. Он выступает на собраниях, принимает живейшее участие в издающейся там газете. В 1906 году его арестовывают на одном из собраний и ссылают в Архангельскую губ. на два года. Однако при первой же возможности он уезжает в Питер, где сейчас же приступает к работе. При тогдашних условиях он в продолжение года был четыре раза арестован, каждый раз под новой фамилией, раз даже в одном и том же участке. После этого стало невозможным дальнейшее пребывание в Питере. Он переезжает в Москву и работает в окружной организации. Вот что рассказывает тов. Бубнов об этой поре революционной работы А. Сафонова: «к концу года нам удалось созвать областную конференцию и провести выборы на предполагавшуюся конференцию всероссийскую, но никто из нас, выбранных, на нее не смог выехать из Москвы,—за всеми уже шла самая усиленнейшая слежка. В ноябре месяце последовал один провал за другим, был арестован и тов. Сафонов... В долгие месяцы таганского сидения тов. Александр принимает на себя обязанности Центрального старосты, принимает живейшее участие в с.-д. фракции Таганской тюрьмы, пишет в наших тюремных сборниках и ведет непрерывную дискуссию по волновавшим тогда партию философским вопросам... На суде в 1910 г. он признает себя членом партии и получает каторгу; выносит долгие годы безобразнейшего каторжного режима и после февральской революции выходит на волю и снова бросается в работу...» Он ставит партийную и Советскую работу в Тамбовской и Рязанской губерниях, берется за банковое дело, при национализации банков, и в апреле, при мобилизации коммунистов, работает в качестве члена Реввоенсовета XII армии. 25 сентября, получив другое назначение и проезжая через Москву, тов. Сафонов в свободную минутку пошел повидать «свою публику». И тут, как будто в мирной обстановке, насильственно и преждевременно оборвалась нить его жизни.

10. Кваш.

Тов. Кваш прибыл в Москву из Украины приблизительно в августе 1919 г. Он быстро зарекомендовал себя трудоспособным, методичным работником и всей душой отдался делу организации субботников, был первым секретарем Бюро Субботников при М. К. П. Тов. Кваш, по словам знавших его по работе товарищей, был скромный работник и одинокий, замкнутый человек. Он знал только свое дело. Вот почему никаких сведений, касающихся прошлого и его личной жизни, нам собрать не удалось.

11. Танкус *), Соломон Натонович.

Слушатель Центральной школы партийной работы.

12. Колбин *).

Слушатель Центральной школы партийной работы.

---

*) К сожалению, нам не удалось раздобыть сведения о жизни тт. Танкуса и Колбина. Оба товарища были слушателями Высшей партийной школы. Первого из них я знал лично, а про второго слышал, как о способном ученике и хорошем товарище. Что же касается т. Танкуса, то на занятиях в Высшей партийной школе он выделялся. Его товарищи к нему относились с уважением и с полным доверием, давали ему ответственные поручения и выбирали в различные коллективы.

На моих лекциях (по программе партии) и курсах (по организации партии), помню, он неоднократно выступал с вопросами, предложениями, а также референтом. Во всяком случае, он был одним из видных и подающих надежду слушателей партийной школы. Он одновременно вошел в курс московской партийной работы, и часто посещал собрания в районах и в центре.

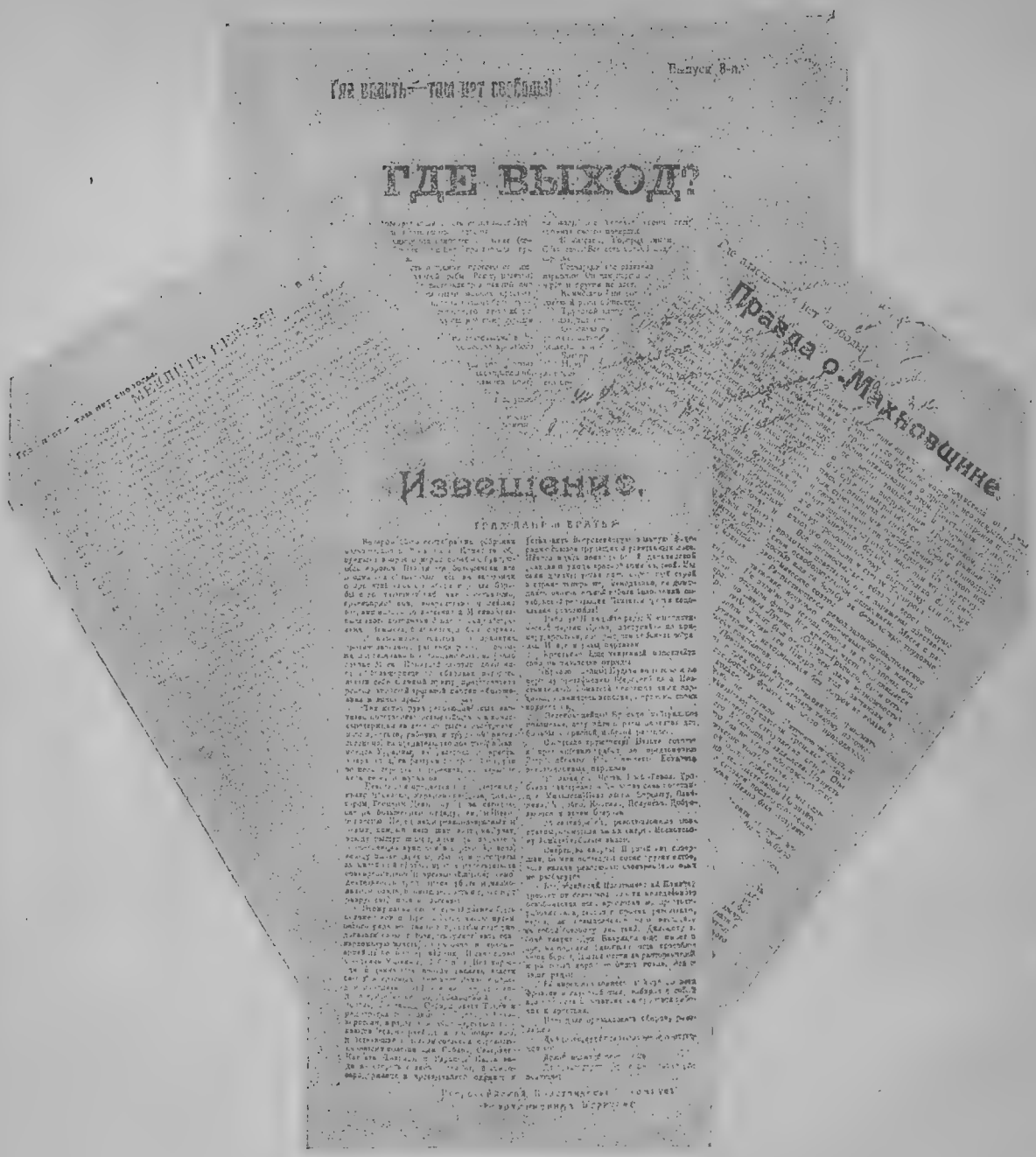
Оба товарища, и Танкус, и Колбин, в числе других, кажется, 25 слушателей партийной школы по предложению М. К. Р. К. П. были делегированы на собрание 25 сентября с целью ознакомления с постановкой партийных школ в районах.

Прим. А. М.

Список товарищей, пострадавших при взрыве 25 сентября 1919 года.

1. **Бухарин, Ник. Ив.** Член Ц. К. Р. К. П. Ранен в руку.
2. **Бакинский.** Лектор партийной школы. Ранение правой ноги и повреждение уха.
3. **Бахина.** Слушат. центр. шк. парт. раб. Контузия головы и ушибы груди и ног.
4. **Белов.** Раб. Сущевско-Мар. района. Продав. грудная клетка.
5. **Буйволов, Вл. Серг.** Сотруд. Сокол. района. Легкая контузия головы.
6. **Боярский.** Сотрудник Хамов. района. Легкое ранение.
7. **Белая Катя.** Организ. Басм. района. Легкое ранение.
8. **Бродская.** Сильная контузия и повреждения бар. переп.
9. **Выропаев, Фед. Гр.** Сотр. ж.-д. р. РКП. орг. п/р. Ряз.-Ур. и Ал. ж. д. Общее контуз.
10. **Вегман.** Бывш. редакт. газеты „Знание и Революция" в Томске. Общее ранение лица.
11. **Глускина, Анна Ар.** Секрет. Сущ.-Мар. р., бывш. секрет. Лефорт. райкома. Сильная контузия.
12. **Гайле.** Комис. I Моск. артил. курсов. Легкое ранен.
13. **Голованов.** Орган. Комис. связи с фронтом (Бутырск. района). Легкое ранение.
14. **Голубев, Ник. Тим.** Орган. Комис. связи с фронтом (Бутырск. района). Легкое ранение.
15. **Гричманов, Ал. П.** Слушат. центр. шк. парт. раб. Помята грудн. клетка и общая контузия.
16. **Гаптман.** Слушат. центр. шк. парт. раб. Рост. р. Легкое ранен.
17. **Гринштейн, М. Л.** Сотрудн. Агит. отд. М. К. Контузия головы.
18. **Дианов, Вас. Игнат.** Организ. парт. п/р. Винд. ж. д. Контуз. головы.
19. **Иванов, Влад. Иван.** Раб. Басман. р. Перелом кисти, контузия и ранение головы.
20. **Иванова, Е.** Хамов. района. Легкое ранение.
21. **Кицис.** Раб. Сущ.-Мар. района. Легкое ранен. в голову.
22. **Крюков.** Сотруд. Ал.-Рост. р. Ранен в голову и плечо: общая контуз.
23. **Котлин, Леон. Ив.** Слушат. центр. шк. парт. раб. Легкое ранение.
24. **Коробочкин, И. Г.** Член Прав. М. П. О. (Бут. р.) Контуз и ранен. лица.
25. **Кучинский, Д. Д.** Зав. Агит. Отд. Бутыр. района. Легкое ранение правой стороны лица.
26. **Колотов, Степ. Серг.** Зав. Жил. Зем. Отд. Бутырск. Совдепа. Легкая контузия головы.
27. **Куранова, Ек. Як.** Зав. Отд. Соц. обесп. и член През. парткома (Леф. района). Трещина ножной кости и общее ранение ноги.
28. **Кузнецов, Н.** Хамов. района. Легкое ранение.
29. **Левитас, Евг. Рув.** Секр. парт. комитета Леф. р. Легкое ранение. Сильный ушиб ноги и головы.
30. **Люблин.** Раб. Хамовн. р. Легкое ранение.
31. **Лебит, Петр Григор.** Председ. Райпрофсожа (железно-дор. района). Общая контуз. и общее ранение лица.

32. **Мороскин, Вас. Вас.** Член Исполкома Преснен. Совета. Легкая контуз.
33. **Модлин.** Слушат. центр. шк. парт. раб. Роста. Легкое ранение.
34. **Мясников, А. Ф.** Член В. Ц. И. К. Контузия и легкое ранение.
35. **Никольский, Л. В.** Предс. Центр. Норм. к. Общая контузия.
36. **Ольминский.** Легкое ранение.
37. **Огильба.** Раб. Ал.-Рост. района. Отравление газами.
38. **Павлович, Н. П.** Член В. Ц. И. К. Легкое ранение в голову.
39. **Пельше.** Член Правления М. П. О. Тяжело ранен.
40. **Розенштейн, М. А.** 7 дней, как вернулся с фронта, где был ком. (Леф. района). Легкое ранение глаза и левой части головы.
41. **Рябчаев.** Раб. Ал.-Рост. района. Легкое ранение.
42. **Сафаров, Георгий.** Член В. Ц. И. К. Тяжелое ранение.
43. **Сычева, Варв. Фил.** Раб. Ал.-Рост. р. Ранен. головы и общ. контузия.
44. **Сазонов.** Работник Ч. К. Хамов. района. Повреж. бараб. перепонки.
45. **Сазонова, Мария.** Раб. Хамовн. р. Легкое ранен. (оказана амбул. п.).
46. **Стеклов, Ю. М.** Редактор „Изв. ВЦИК.“. Воздуш. контузия, разрыв обоих барабанных перепонок и кров. в ухе.
47. **Самарин-Никифоров, Григор. Игнатьевич.** Член През. Ал.-Рост. Совдепа Зав. Упр. дел. Легкая контуз. головы и ранен. ноги.
48. **Савин.** Раб. Хамовн. района. Общая контузия.
49. **Слуцкий.** Легкое ранение головы.
50. **Тютин (кл. Анатоль).** Железнодорожный рабочий. Контузия головы и ранение правой руки и ноги.
51. **Фонченко, Вас. Н.** Орган. п/р. К.-В. ж. д. р. Чл. Исполк. ж. д. Извлечен из-под облом., пролом головы и тяжелая контузия.
52. **Шищенко, Вас. Тим.** Слушат центр. шк. парт. раб. Легкое ранение.
53. **Шляпников, Я. Е.** Зам. Зав. Жил.-Зем. отд. (Бутыр. район). Легкое р. (оказана амбул. помощь).
54. **Ярославский, Ем.** Член В. Ц. И. К. Легкое ранение.
55. **Ямпольская, Р. Н.** Раст. сухож.



II.

«Граждане и братья!

Вечером 25 сентября на собрании большевиков в Московском Комитете обсуждался вопрос о мерах борьбы с бунтующим народом. Властители большевики все в один голос высказались на заседании о принятии самых крайних мер для борьбы с восстающими рабочими, крестьянами, красноармейцами, анархистами и левыми эсерами, вплоть до введения в Москве чрезвычайного положения с массовыми расстрелами».

Дальше:

«Наша задача — стереть с лица земли строй комиссародержавия и чрезвычайной охраны и установить Всероссийскую вольную федерацию союзов трудящихся и угнетенных масс. Нечего ждать прихода белой деникинской реакции и ухода красной—комиссарской. Мы сами должны установить свободный строй в стране теперь же, немедленно, не дожидаясь окончательной гибели завоеваний октябрьской революции. Близиться третья социальная революция».

Наконец:

«17 июня с. г. Чрезв.-Воен.-Револ. Трибунал расстрелял в Харькове семь повстанцев: Михалева-Павленкова, Бурбыгу, Олейника, Коробко, Костина, Полунина, Добролюбова и затем Озерова. 25 сентября с. г. революционные повстанцы отомстили за их смерть Московскому Комитету большевиков. Смерть за смерть! Первый акт совершен, за ними последуют сотни других актов, если палачи революции своевременно сами не разбегутся».

Цитируемое «извещение» подписано:

«Всероссийский Повстанческий Комитет Революционных Партизан».

В № 2 «Анархии» от 23 октября 1919 года (орган Всероссийской и Московской Организации Анархистов Подполья), в статье, озаглавленной «Только начало», мы читаем:

«Взрыв в Леонтьевском переулке—это очевидное начало новой фазы борьбы революционного элемента с красными политическими авантюристами.

То, что случилось, следовало ожидать. Наглость комиссаросамодержавия—причина случившемуся.

Нельзя не приветствовать этот акт. Слишком уж обнахалились «коммунисты» комиссары. Издевательством над всем частным и революционным, а также садистическими расстрелами подготовлена основательная почва для террора слева.

Нет никакого сомнения, что вслед за актом в Леонтьевском переулке другие акты последуют. Они неизбежны. Слишком развратили лидеры партию коммунистов, чтобы она могла понять задачи момента и воскреснуть от политического дурмана...

...Для экономии революционной энергии в настоящее время возможна лишь борьба с динамитом. Политическая саранча разлетится от взрывов, массовое же пролетарское движение впоследствии завершит начатое дело...

Поэтому очередным вопросом подполья является организация динамитной борьбы с режимом Совнаркома и чрезвычайками и организация массового движения там, где это возможно для создания новых форм общественно-экономических организаций по принципу безвластия.

Комиссары и генералы снова загнали нас в подполье. Анархическое движение лишено свободы слова.

А коли так, так мы с комиссарами и генералами отныне начнем разговаривать на языке динамита!

Посмотрим: кто кого распорит!»

Из примечания к листовке «Медлить нельзя» мы узнаем:

«Повстанческий Комитет Революционных партизанов входит во Всероссийский Орган Анархистов Подполья».

Итак, взрыв Московского Комитета Р. К. П. дело рук анархистов подполья.

За каких-нибудь 3—4 месяца своего вольного существования в подполье эти динамиторечивые парни успели выпустить в свет 4 прокламашки: 1) «Медлить нельзя». 2) «Правда о махновщине». 3) «Извещение». 4) «Где выход» и два номера «Органа Всероссийской и Московской организации Анархистов Подполья»—«Анархия».

Мы уже имели выдержки из этой «литературы». Чтобы исчерпать все идейное убожество наших авантюристов, приведем еще два образчика. Одна статья «Мы отмежевываемся» содержит политическое самоопределение этих зажигателей моря, другая—«Декларация анархистов подполья»—заключает в себе их политическое «кредо». Обе статьи перепечатываются полностью.

1) Мы отмежевываемся.

Маленькое введение.

На одном собеседовании, возражая предыдущему оратору меньшевику, докладчик—большевик говорил приблизительно следующее:

— Вы, меньшевики, хороши лишь, пока критикуете других. Посмотрите,что делается там, где в ваши руки попадает руководство над обществом. Вот теперь в Германии правительство Эберта—Шейдемана. Это же настоящая меньшевистская власть! И что же? Наемный труд, основное зло капитализма, сохранен. Фабрики не переданы в руки рабочих, земля не передана в руки крестьян. Голод, безработица, войны,—все это еще хуже, чем прежде. Под предлогом необходимости потерпеть, пока не оправится страна, сохранена армия и бюрократия, ограничена свобода стачек, собраний, слова и печати. Под тем предлогом, что все это делается для осуществления социализма в будущем, вы расстреливаете тех, кто восстает, чтобы его осуществлять сейчас же. Вы скажете, что все же рабочему классу лучше, потому, что он стал у власти, к которой его не допускала буржуазия, но это неверно. Шейдемановская власть правит именем рабочих, но им от этого не лучше. К власти же пришел не рабочий класс, а отдельные рабочие, которые при этом оторвались от рабочего класса. А то, что бывшие рабочие стоят у власти, это лишь перемена лиц, но система капитализма остается та же. Это все равно, как если бы несколько бывших рабочих стали капиталистами: рабочий класс должен против них бороться, как и против другого предпринимателя.

И, так как меньшевик развил своеобразную теорию, что социализм так выгоден для всех слоев общества, не только для рабочих, что можно убедить буржуазию также стать социалистами, так как,

несмотря на отказ капиталов, им все же в новом обществе будет житься лучше, чем теперь, то большевик продолжал:

— Да, верно, что при переустройстве общества на трудовых началах производительность так повысится, что все будут пользоваться большим благосостоянием, чем теперь буржуа, так что им было бы выгодно примкнуть к социализму. Но они этого никогда не сделают вследствие своей косной классовой идеологии. И мы не

Пожарные на месте взрыва.

можем ждать, пока они согласятся сами, а должны силой их экспроприировать...

Тогда, как анархист, я ответил:

— Пока вы спорите с меньшевиками, вы правы, потому, что они стоят на точке зрения постепеновщины, а вы на точке зрения социального максимализма, немедленного общественного переустройства. Но власть вас делает теми же постепеновцами, хуже меньшевиков. Вы у власти в России, но что же изменилось? Фабрики и земля не в руках трудящихся, а в руках предпринимателя — государства. Наемный труд, основное зло буржуазного строя, существует—поэтому неизбежны голод и холод и недостаток рабочих рук при одно-

временной безработице. Ради «необходимости потерпеть» для лучшего будущего, ради «защиты уже достигнутого», сохранена армия, бюрократический аппарат, отменено право стачек, слова, собраний, печати. Вы создаете красный шовинизм милитаризма, но что же защищать рабочему? Вы скажете—за то буржуазия отстранена, а рабочий класс у власти, но я скажу тоже, что вы про меньшевиков: у власти лишь отдельные рабочие. Они теперь лишь бывшие рабочие, оторванные от своего класса. Угнетенные по существу не могут быть у власти: если же власть называет себя «пролетарской», то это даже худший обман. Вы будете возражать, что вы тоже хотите анархию, но нужно сначала сломить врага, а потом власть сама по себе упразднится. Но это—тот же меньшевизм. Я верю, что у вас лично, суб'ективно, могут быть хорошие намерения, но об'ективно, по существу, вы представители класса чиновничьей бюрократии, непроизводительной группы интеллигенции. Даже вам анархический строй даст большее благосостояние, чем теперь, но за своей наглой классовой чиновничье-государственной идеологией люди, стоящие у власти, никогда от нее не откажутся. Поэтому, как нельзя ждать примирения буржуазии с социальной революцией, а нужно применить силу, так нельзя ждать примирения властителей с анархией, а нужно сейчас же силой разрушить власть.

А ссылка на фронт—любимый прием постепеновцев. Так Керенский, сохранив в России капитализм, звал рабочих вместе с Корниловым итти на фронт защищать «свободу», так и вы, создав «безкомитетную», с царским офицерством милитаристическую Красную армию, зовете не бунтовать против нового гнета, а итти на фронт защищать «уже достигнутое».

Мы смотрим не на красную вывеску, а на факт: и мы видим, что ваша политика, как и в свое время союз Керенского с Корниловым, ведет к неизбежной реакции внутри. Ничего еще не достигнуто и нам нечего защищать.

Мы зовем к немедленному восстанию за хлеб и за волю, а потом будем защищать свободу оружием свободы, а не рабства.

Только такой, мне кажется, и может быть позиция анархиста по отношению к «революционной власти». Ведь в этом-то и состоит отличие анархизма от социализма, что он считает, что ничего не изменилось, пока существует власть. Большевики прекрасно понимают это. Так в брошюре «Анархизм и Коммунизм» Е. Преображенский пишет, что лишь те анархисты, которые столько же непримиримо относятся к «Советской власти», как и ко всякой другой, сохранили верность своему учению, хотя, конечно, Преображенский считает это учение «книжным» и «контр-революционным».

Со времени того собеседования прошло полгода. Большевики пошли дальше по наклонной дорожке—твердой власти («революционной»). Мы же, последовательные анархисты, видя, что под красной вывеской социализма скрывается лишь самодержавие чрезвычайки, ушли в подполье, чтобы иметь возможность продолжать всякую борьбу за свободу. В наших подпольных листах мы зовем

угнетенных на борьбу против контр-революции всех цветов, на восстание за хлеб и волю. Нетерпимые ко всему неподвластному им большевики тем временем предпочли сдать Украину белым, лишь бы задушить анархистское повстанчество. Восстановив столыпинские военно-полевые суды (чрезвычайный и революционный трибунал), они расстреляли наших братьев борцов за свободу. И с новым самодержавием мы повели ту же борьбу, что и со старым, мы отве-

Работа по извлечению трупов.

тили смертью за смерть. В течение двух лет революция шла на убыль; но по мере контр-революционных верхов, как это всегда бывает, массы вновь революционируются — и, как поворотный пункт, как начало нового нарастания революционной волны, является борьба 25 сентября.

И, начиная борьбу за новую революцию с новым самодержавным государством—капиталистом, мы ожидали, что как в свое время при царском строе будет запрещена не только деятельность, но и сочувствие анархистам; что, как при царизме, будут взяты все анар-

хические книги, что не только не допустят никакой анархической легальной организации, но и что называться анархистом будет столь же опасно, как и до февральской революции, что вся казенная печать начнет идейную борьбу с анархизмом, в то время, как для практической борьбы с ним будет введено военное положение и состояние чрезвычайной охраны; мы сознательно шли на все это потому, что мы должны быть с загнанной в подполье революцией, чего бы это ни стоило.

Но честность—плохая политика для угнетения, в особенности для власти «революционной», которая более всякой другой держится на обмане. Для практической борьбы с нами власть прибегла к испытанным приемам охранки, но в области идейной она придумала нечто новое. Прекрасно сознавая, что именно мы поступаем как анархисты (плох или хорош анархизм, это другой вопрос, но мы от него не отступили), власть предпочла умолчать это перед массами. Большевики повторяли провокацию апрельских дней. Они дали патент на идейность тем соглашателям, которых они по праву презирают, как отплывших от берега анархии и не прилипших к берегу государства, нас же всячески стараются изобразить как бандитов, не то как белогвардейцев, не то вовсе о нас умолчать.

Большевики не могут не писать в своих газетах, что вот, мол, выступили анархисты подполья, которые считают, что у нас теперь в «Советской» России самодержавно-капиталистический строй и, собственно, с этим ведут борьбу, а большевики, мол, считают, что у нас в России свобода и анархистам бороться не за что, потому что если бы они изложили открыто их и нашу позицию, то народ бы сразу разобрался в истине. Это умолчание—логический вывод из идеологии нового самодержавия, тем оно и отличается от царизма, что пытается уверить пролетариат, будто действует для его блага. С большевиками мы ведем борьбу, они наши враги, и мы не можем заставить врага применить честные способы борьбы.

Пусть себе пишут, что никакие анархисты не участвуют в «Анархии», пусть себе уверяют, что это белые взрывают, предатели революции, пусть доказывают, что это буржуазия борется против великого сохранения капиталистического строя — у нас есть своя бесцензурная печать, и мы сможем бороться с обманом.

Но в этом вопросе есть еще одна сторона, и для того, чтобы покончить с ней раз навсегда, я принужден был так подробно определить нашу позицию.

Эта сторона позорная роль легальных, так называемых анархистов, от анархо-большевиков, до «склонных к подполью», но только не теперь, их престыдное пособничество казенному обману. Именно они виноваты в том, что в течение двух лет самодержавцы могли безнаказанно морочить массы, указывая, что анархисты идут в Красную армию и в советские учреждения, даже анархисты признают, что Советская власть защищает интересы трудящихся, именно они дали большевикам возможность писать, что «никакая анархическая

группа, не причастная к листовке «Где выход», что «никакая анархическая группа не ведет террора против властителей».

Именно эти анархисты около двух лет мешают нам вести анархическую борьбу против власти, пугая, что в ответ на подпольную деятельность большевики расправятся со всеми им известными (значит легальными анархистами), когда же мы указывали, что существование

На месте взрыва.

кучки отступников не может заставить нас отказаться от анархического образа действия, когда мы им предлагали, если они не могут работать подпольно, то пусть они просто очистят политическую арену, то они отвечали: «Пусть нас расстреляют, но мы не уйдем в подполье».

Приравнивая большевиков к самодержавию, заняв сами всегдашнюю непримиримую позицию анархистов, к кому мы можем приравнивать тех, кто занимает посты на службе у власти, кто идет в безсильную перед миром правителей «Государственную думу» (ВЦИК) для «пропаганды анархизма»?

Мы их можем приравнять—разве только к кадетам или октябристам! И так же мало, как считались бы безмотивники 1905 года с «товарищем», который полез бы для информации и некоторых заявлений в Государственную Думу, так же мало можем мы считаться с новыми «октябристами» (не от 19, а от 25 октября), лезущими в ВЦИК.

Самодержавие не потерпело бы, чтобы кто-нибудь назвался анархистом, но оно могло терпеть октябриста; большевистское правительство может терпеть существование, литературу и даже деятельность нового октябриста (легального «анархиста»), но не может терпеть даже названия анархиста, а тем более анархиста подпольного.

Начиная нашу великую борьбу, мы не ждем от власти честных приемов борьбы, но от «анархистов», хотя бы в ковычках, мы требуем, чтобы они не помогали обману власти, предоставляя к ее услугам свое анархическое имя.

Наступает полное размежевание власти и анархизма; власть не может больше терпеть анархизма, грозящего самому его существованию; поэтому мы предупредили легальных «анархистов», чтоб дать им возможность приготовиться к контр-атакам власти.

А они, не желая понять, что анархизм гигантская вековая борьба, где нужно ставить на карту не только спокойное прозябание, но и жизнь, хотят во что бы то ни стало продолжать интеллигентную игру бирюлью группой, голосований резолюций!

Синдикалисты клеймят безумную попытку и зовут чрезвычайку к беспощадной мести; остальные же отмежевываются от воплощения слов в дело и думают, что так и впредь им удастся избежать барской немилости.

Перед лицом угнетенных всего мира мы отмежевываемся в последний раз от пособников нового самодержавия и говорим: мы не виноваты, что часть наших угнетателей и обманщиков, так или иначе стоящих около власти, назвали себя «анархистами» — не к этому анархизму мы вас зовем; анархисты те, что всегда с угнетенными и которые будут загнаны властью в подполье, пока влать не уничтожит нас, или мы не уничтожим власть.

«Анархистам» же в ковычках мы в последний раз напоминаем, что анархизм и безопасность несовместимы и что в гигантской борьбе между вновь возрожденным царизмом и угнетенными им придется стать на ту или другую сторону. Пока мы ей не мешали, власть нас терпела, но скоро, очень скоро белая и красная власть, все равно, которой удастся восторжествовать, как во время реакции 1916—1918 годов, не потерпит черного знамени даже над простоквашными лавочками, не потерпит слова «анархист», даже в ковычках.

Если они не способны бороться, то пусть уйдут от политики к частной жизни. В этом мы им всячески поможем. Но болтаться в рядах борющихся—это не допустит ни власть, ни анархисты.

Если же они хотят итти с нашими врагами, то пусть знают, что участь власти—будет их участь. Но партийные комитеты (хотя бы они и назывались «анархо-синдикалистическими коммунистами»), ко-

торые солидаризуются с комитетом большевиков, призывая к мести и предлагая усмирить чрезвычайке в целях раскрытия нашей организации, пусть остерегутся, чтобы их не постигла та же участь, что и тех, кому они «соболезнуют».

Тела жертв взрыва в Доме Союзов.

Чтобы отмежеваться от нас перед властью, «анархисты» в ковычках собрали подписи полдюжины групп, все существование которых выражается в штампе и печати; чтоб отмежеваться перед лицом угнетенных от позорных союзников угнетения, нам достаточно одной подписи:

Мы анархисты подполья.

Орган Все и Московской Анархистов

АНАРХИЯ

российской Организации Подполья.

№ 2 (101). Четверг 23-го октября 1919 года. № 2 (101).

КО ВСЕМ РАБОЧИМ, КРЕСТЬЯНАМ и КРАСНОАРМЕЙЦАМ.

АНАРХИЯ

Орган Всероссийской и Московской Организации Анархистов Подполья.

№ 1 (100). Понедельник 29-го сентября 1919 г. № 1 (100).

Декларация Анархистов Подполья.

Угнетенные всех стран: рабочие, крестьяне, солдаты, женщины и дети!

Свободолюбивые творцы новых ценностей: изобретатели, мыслители, поэты!

Все стремящиеся к свободе, справедливости и предоставлению каждому человеку наилучших условий его всестороннего выявления и развития.

Все, кому тесны рамки современного строя угнетения и унижения, кому претит издевательство человека над человеком и реки крови и стоны насилия, производимые современным государством

К подполью.

2) Декларация анархистов подполья.

Угнетенные всех стран: рабочие, крестьяне, солдаты, женщины и дети!

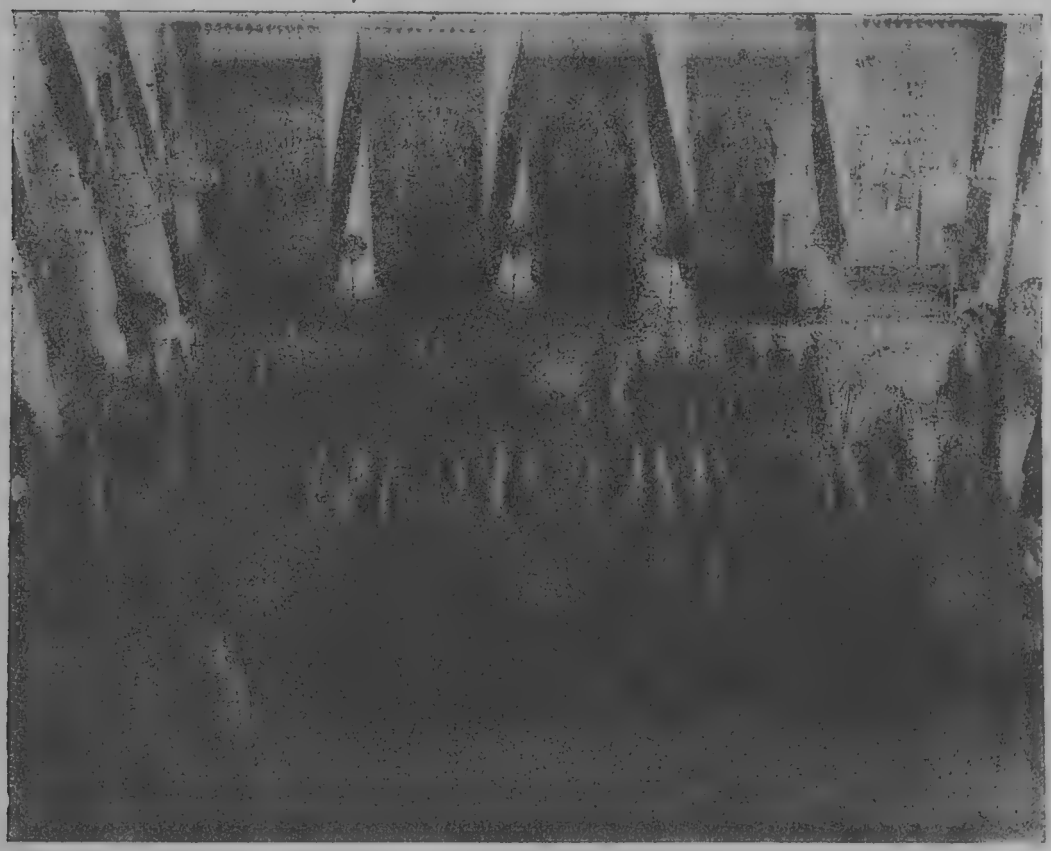
Свободолюбивые творцы новых ценностей: изобретатели, мыслители, поэты!

Все, стремящиеся к свободе, справедливости и предоставлению каждому человеку наилучших условий его всестороннего выявления и развития.

Все, кому тесны рамки современного строя угнетения и унижения, кому претит издевательство человека над человеком и реки крови и стоны насилия, производимые современным государством

и капиталом,—всем вам шлет свой братский привет и призыв Всероссийская Организация Анархистов Подполья!

За короткое время перед глазами человечества прошла ужасающая картина безумия и озверения современных государств, истребляющие человека человеком. Война, небывалая война, на которую пошли все завоевания науки и техники, война, бросившая угнетенных всех стран друг на друга и приведшая всюду к голоду и экономической разрухе.



Тела погибших товарищей в Доме Союзов.

Это процесс об'единения внутри воюющих стран привел нас к картине обобществления, ограничения прав частной собственности и перехода части прав над производством к общественным органам в Италии, Франции, Англии, Германии и России.

Наконец перед нами поразительная картина целого ряда революций—ускорения этого процесса обобществления, наиболее яркое в России.

За чрезвычайно краткое время Россия пережила переход от самодержавия к буржуазной республике, к социалистическим министерствам говорунов и подошла к октябрьской революции.

Все ужасы самодержавия, всю низость и лицемерие и бессилие республиканства буржуазии и предательство министров-социалистов за короткое время изведало русское крестьянство и русский пролетариат.

Ни одна из этих форм не может быть принята угнетаемыми. Возмущенные, голодные рабочие и крестьяне совершили октябрьский переворот во имя всеобщего Братства народов и Свободы.

Увы, кричавшие об этих высших заветах человечества, возмущавшие рабочих против смертной казни, эксплуатации и войны большевики,—ныне царствующая самодержавная коммунистическая партия,—воспользовавшись доверием рабочих, захватила всю власть в свои руки, насадили Чрезвычаек (охранников), отняли у трудящихся все их завоевания, все фабрики, заводы, земли, и расстрелами, голодом, пытками и всеми орудиями полицейского гнета задавили всякое право человека, всякую свободу, всякую независимость. Арестовали, расстреляли и разогнали всех революционеров Октября, превратили Советы и Правления производственных Союзов в своих лакеев, задушили всякую мысль и, установив рабовладельческий строй, превратили всех в безгласных, бесправных рабов, а сами, завладев фабриками и заводами, хлебом и всем, чем владела буржуазия и чем можно владеть,—стали неограниченно властвовать.

Никогда еще буржуазия, помещики, бюрократы и военщина не обладали такой беззастенчивостью в угнетении всех остальных, и никогда они не имели наглости прикрывать свое угнетение именем попранной рабоче-крестьянской массы. И никогда еще не было такой противоположности угнетателей и угнетенных, как теперь!

Так, раз и навсегда была самой жизнью опровергнута теория Маркса и идея государственного социализма.

Процесс обобществления и централизации всего в одних руках произошел в первую очередь в стране наименее развитого капитализма и в силу обеднения страны, а не так, как говорил Маркс.

А диктатура пролетариата оказалась не больше, как способ наиболее беззастенчивого издевательства над правами человека и угнетенных.

Надеяться, что новые об'единенные помещики, фабриканты, бюрократы, военные диктаторы—господа комиссары, вдруг окажутся филантропами и перестанут угнетать и эксплоатировать трудящихся, это гораздо более наивная и бесплодная утопия, чем мечта Сен-Симона, Фурье и т. д. убедить буржуазию перестать быть эксплоататорами.

Так окончательно вскрылся обман всякой власти и всякого государственного социализма в XX веке,—обман, обнаружившийся и раньше во всех революционных движениях.

Власть—не только орган угнетения,—но самая основная причина экономического гнета, сама рождает из себя и содержит в себе эксплоататоров.

И вот перед угнетенными России, перед угнетенными всех стран, освобождающимися окончательно от обмана власти, стоит задача но-

вой мировой революции во имя безвластного и внеклассового общества, о котором мечтали все лучшие люди революции, идущие не путем захвата власти и диктатуры, а свержения власти и укрепления безвластия.

И в России на развалинах белогвардейской и красноармейской принудительной армии образуются вольные анархистские партизанские отряды.

Похороны погибших товарищей.

На севере, на юге, на востоке,—всюду образовались они и всюду веет идея безвластного общества.

Мы, Всероссийская Организация Анархистов Подполья, толкаемые всеобщим возмущением угнетенных России, вступаем решительно на путь борьбы за освобождение человечества.

Наши главные задачи заключаются:

в организации нового безвластного общества,

в помощи всем угнетенным всего земного шара в деле освобождения от власти капитала и государства и

в создании мировой конфедерации труда и развития.

Окруженное со всех сторон государственниками, белыми и красными, безвластное освободительное движение победит, когда все угнетенные сольют все свои усилия в одно целое.

Перед об'единением угнетенных ничто не может устоять.

Вперед же, товарищи, руку друг другу, и мы победим!

Долой всякую власть—источник угнетений!

Долой ложь государственного социализма, диктатуры пролетариата и других диктатур!

Долой смертную казнь, физическое насилие государства и все формы гнета!

Долой гнет капитала!

Все для всех на равных правах.

Все богатства и блага, находящиеся в распоряжении человечества для всех на одинаковых основаниях.

Пусть будет каждый обеспечен средствами производства, насколько он умеет их производительно использовать, независимо от других или совместно с другими, по его воле.

Всякому трудоспособному наилучшие условия труда.

Всякому наилучшие условия развития и обеспечения на время образования.

Всякому нетрудоспособному обеспечение прожиточным минимумом и независимость.

Долой буржуазную ложь и ложь государственных социалистов о свободе, равенстве и братстве.

Всякий только тогда свободен, когда может быть обеспечен вне договора с обществом и тогда, когда свободно заключает договор.

Долой принудительные группировки государства: коммуны, школы, казармы, принудительные армии и т. д.

Да здравствуют вольные, договорные отношения независимых личностей!

Да здравствует свободная инициатива в строительстве жизни!

Да здравствует действительная возможность проявлять себя устным и печатным словом!

Пусть каждый выберет себе форму ко всем отношениям и свое общество.

Да здравствуют федерации всех трудящихся: 1) транспортников, 2) почт и телеграфа, 3) сельского хозяйства, 4) добывающей и обрабатывающей промышленности, 5) работников снабжения, 6) вольных партизан и 7) федерация развития—науки, искусств и образования.

Да здравствует их вольная конфедерация!

Пусть все средства производства поступят в распоряжение федерации, их обслуживающих: железные дороги—железнодорожникам, земля—обрабатывающим землю, и т. д.

Долой все комиссариаты и министерства!

Долой все органы власти, неспособные организовать производства! Долой наемничество и ложь выборного начала!

Нам бесполезны властнические Советы, Правления и Комитеты,

Все сделают сами рабочие федерации.

Да здравствует единое, свободное, вневластное человечество и свободный, обеспеченный трудом человек!

Да здравствуют местные и мировые вольные конфедерации труда и развития.

Вперед, товарищи! На бунт, на борьбу!

Зажигайте всюду пожарища новой революции!

Да здравствует мировое об'единение всех угнетенных против всех угнетателей!

Да здравствует Всероссийская Конфедерация Труда!

Долой Совнарком с Комиссариатами!

Да здравствует анархия!

Всероссийская Организация Анархистов Подполья.

Вот как толкуют наши ребята. В комментарии и полемику входить мы не будем. Обратимся теперь к их делам и на основании их собственных показаний постараемся уяснить себе их подлинный политический лик.

III.

После акта в Леонтьевском переулке, как мы уже видели, шайка в 25—30 лиц, устами своих коноводов—агентов штаба Махно—задорно восклицала: «посмотрим, кто кого распорит!»

Сейчас же после «акта» за них взялась М. Ч. К. и теперь уже не приходится говорить о том, кто кого распорол.

Главные вдохновители и организаторы контр-революционеров разбираемого толка—Казимир Ковалевич и Петр Соболев—погибли при

Казимир Ковалевич.

Петр Соболев.

аресте. Оба они отстреливались из револьверов и бросили по бомбе. Наши товарищи из М. Ч. К. счастливо отделались лишь легкими поранениями.

Далее, на даче в Краскове, которая ими самими была взорвана, когда была оцеплена нашими, погибли: 1) Яша Глагзон, 2) Вася Азов (Азаров), 3) Митя Хорьков, 5) Захар (хромой), 6) некто по имени Мина и 7) Таня (Дедикова). Находился на даче также Барановский, но успел уйти до взрыва и был арестован в засаде.

Расстреляны по постановлению М. Ч. К. 8 человек: 1) Гречаников, 2) Цинципер, 3) Барановский, 4) Домбровский, 5) Восходов, 6) Николаев, 7) Исаев и 8) Хлебныйский.

— Первый акт совершен, за ним последуют сотни других актов,— вещали воины черного знамени.

Теперь можно сказать, что М. Ч. К. ликвидировала их осиные гнезда не только в Москве, но и в провинции.

Следственный материал дает ясную картину о происхождении честной компании, организации и художествах. Многочисленные экспроприации в Москве и провинции, иначе говоря ограбление народных денег—Советских учреждений—самая обыкновенная уголовщина. Любопытно, что все это проделывалось не без участия эсеров-максималистов и левых эсеров. Меньшевик пришел им на подмогу в высоко культурном их деле—печатания прокламашек. А лев. эсер Черепанов был одним из главных руководителей взрыва в Леонтьевском переулке, где прежде помещались Ц. К. и М. К. лев. эсеров, благодаря чему Черепанову известны все ходы и выходы в этом доме.

Из сотни обещанных художеств очередное подготовлялось ко дню второй годовщины Советской власти *). Но к этому времени они уже погибли, «аки обры».

Показания Михаила Васильевича Тямина.

I.

Сегодня в четыре часа пополудни я был арестован по Большой Александровской ул., в д. 22, куда я зашел к некоему Саше, где надеялся узнать адрес моего брата Афанасия. К Саше я пришел со своим знакомым Филей, которого я сегодня встретил случайно недалеко от Курского вокзала.

Адрес Саши указал мне еще в Харькове Володя Малютин, не называя фамилии Саши. Фамилии Фили я тоже не знаю. Из взятых моих документов признаю подложными: 1) Союза матросов и солдат г. Севастополя от 9-го июня с. г. № 713, 2) Ячейки «ЕРО» от 18-го июня с. г. за № 118 и 3) удостоверение Союза матросов и солдат г. Севастополя и 4) членский билет № 786 Всероссийского Профессионального Союза коммерческих служащих и рабочих Московско-Курской, Нижегородской, Муромской и Окружной ж. д.

3 ноября 1919 года. *Михаил Васильевич Тямин.*

Приехал в Москву из Харькова приблизительно два месяца назад. Приехал к брату, найти заработок. По приезде я зашел прямо с вокзала на Арбат, 30. Этот адрес дал мне Бжостек в Харькове. На Арбате я встретился с Казимиром (Ковалевичем), с которым я был знаком с Харькова. Он мне устроил на Арбате свидание с моим братом Михаилом. Я ходил получить работу на Бирже Труда, но документов

*) См. Известия № 293 (845) от 28 декабря 1919 г. № 1 от 1 января 1920 «О раскрытии заговора анархистов подполья» (отчет М. Ч. К.).

и аттестатов о прежней работе не имел и поэтому работы получить не мог. Тогда Ковалевич предложил мне работать в одной организации анархистов по связи с рабочими. Я вынужден был согласиться. Тогда он мне дал адреса рабочих, по которым я и разносил даваемую мне литературу. Каждый раз Ковалевич мне давал удостоверение приблизительно такого содержания: «Окажите содействие. К. Ковалевич». В Московскую организацию анархистов подполья входило всего приблизительно человек 20—25. Основание ее заложено Ковалевичем, приехавшим вместе с 20-тью другими (в этом числе были человек 12 латышей) с юга после того, как Махно разорвал с большевиками. Организация была построена таким образом: 1) литературная группа, в которую входили Ковалевич, Марков (он сейчас уехал, не знаю куда) и другие, имен которых не знаю; 2) боевая группа, в которую входили Соболев, Гречаник, Михаил, Барановский, Петр (из Нижнего, фамилии не знаю) и другие, имен которых не знаю; 3) типография, в ней работали Хиля Цинципер, Митя (из Брянска, фамилии не знаю), Паша (из союза молодежи, был арестован МЧК на С'езде, фамилии его не знаю); 4) адские машины изготовлял Азов один на даче, там жила его женщина. Литературная группа обслуживала статьями газету «Анархия» и члены ее писали листки. В задачи боевой группы входило устройство экспроприации (в Народном Банке на Дмитровке, в Народном Банке на Серпуховской площади), организация и выполнение покушений (взрыв на Леонтьевском пер. Моск. К-та РКП), участвовали в нем Соболев (руководитель), Барановский, Гречаник и еще трое, фамилий которых не знаю, организация покушений была поставлена очень конспиративно и я во все время не знал, какие покушения они еще готовились предпринять, знал только, что они что-то готовят к октябрьской годовщине, об этом они часто говорили. Взрыв на Леонтьевском был ими решен внезапно по предложению одного левого эсера, который пришел на Арбат, 30 часа в 3 того же дня, в который произошел взрыв. Ковалевич мне передавал, что этот левый эсер тогда же и предложил устроить взрыв Моск. К—та. Вообще анархисты подполья имели тесную связь с организацией левых эсеров через Ковалевича. Этого эсера я узнаю, если мне его покажут. Боевики также разбрасывали литературу по улицам. Бомбы и материал для адских машин привозили из Брянска (Бежицы). Хозяйка квартиры на Арбате, 30, знала, что живут у нее анархисты, но об их работе она не знала ничего. Платил ей Ковалевич очень хорошо. Жили там одно время Вася Азов, затем с месяц тому назад переехал на дачу, жили Таня Дедикова и я. Меня о засаде предупредил Цинципер, тогда я стал ночевать у Натальи Ивановны Сыровеж, дом № 7 по Второй Мещанской ул. Эго моя тетка, человек совершенно непричастный к делу. Литературу я передавал только в три места— 1) в Обозную мастерскую, около Донского монастыря, Морозову (его вызывал в контору), 2) на Рогожскую станцию Курской ж. д. в склад товаров Степанову и 3) на Курский вокзал, паровозное депо, Яковлеву (старик туда ходил вместе с Ковалевичем) вместо Дормидонтова, которого не было, уехал за хлебом. Расшифровку адресов № 1 было

на особом листе. Адреса № II не знаю, иногородние. Ковалевич был особенно озабочен подыскапием квартир и рабочих, могущих распространять литературу. Но почти везде он получал отказ. Из-за недостатка квартир они принуждены были переехать на дачи. Дачи были две, на одной была типография, на другой изготовляли адские машины. Может-быть, и то и другое было на одной из дач. Лев Черный

Дача в Краскове после взрыва.

иногда заходил на Арбат. Он в организацию не входил и все время резко спорил с Ковалевичем, абсолютно отрицая методы, которые применяли анархисты подполья. Живет Лев Черный на Зацепе, дома и квартиры не знаю. Печати и бланки они хранят на даче. Билет партийный Рассказовской организации Ковалевич получил, как он рассказывал, от легальных анархистов. Шура в Рассказове моя знакомая еще с Харькова. С ней не виделся года два, к анархистам она не имеет никакого отношения.

Михаил Тямин

Где находится Михаил Тямин, я не знаю. Он, если не ошибаюсь, обслуживает связи с рабочими.

Афанасий Тямин.

В виду потери своего документа я взял часть документов брата и по ним жил. Часть же документов на Михаила Тямина мои личные, как-то: из штаба Бакинск. Военкома и др. Причина та, что не любил своего имени Афанасия и переименовал сам себя в Михаила.

Афанасий Тямин.

Дополнительно показываю: В I Троицком пер., в доме № 5, во дворе, 1-й этаж, живет Шурка-боевик. Кроме него, может еще быть Дядя-Ваня. Брать надо осторожно, ибо возможно вооруженное сопротивление. Адрес этот я получил от Ковалевича на случай провала наших постоянных конспиративных квартир. Затем в доме Бахрушина, на Тверской ул., ход с переулка, часто собираются анархисты подполья. Там живет боевик Сашка под фамилией Розанов. К нему могут зайти и Барановский, и Соболев. Типография, а может быть и адские машины находятся на даче в Краскове по Казанской ж. д. Эту дачу дал подпольникам некто Педевич, служащий Продпути (у Ильинских ворот). Вероятно, на даче есть Таня (жила на Арбате, 30, 58), затем наборщики Паша, Митя, может быть Соболев, Азов, Барановский. Прислуживает на даче девушка, которая не связана совершенно с подпольниками и находится лишь в услужении. Знаю еще, что Ковалевич, по его словам, был тесно связан с левым эсером Крушинским. Живет он на Арбате, в кв. Корневой, бывал часто. Он высокого роста, плотный, волосы русые, борода окладистая, лет 36-ти.

Афанасий Тямин.

II.

Тов. Манцев [1]), почему Вы не хотите предоставить мне свободный проход через ворота Комиссии, т.-е. дать мне пропуск. Вы опираетесь на тот факт, что несвоевременным моим освобождением я могу повредить самому себе, т.-е. дать некоторые основания к подозрению. Некоторым лицам из числа легальных анархистов и нелегальных л. эсеров—это далеко не так. Никакого подозрения у них возникнуть не может и если бы я думал, что таковые подозрения возможны, то поверьте, что я не просил бы Вас об освобождении. Второе Ваше предположение, что меня могут видеть входящим или выходящим из здания Ч.К., так же мало вероятно по той причине, что я буду сторожем в своих посещениях Ч.К.

Третье Ваше предположение, что своим посещением квартиры л. эсера я могу внести некоторое подозрение (тем более, что узнать там что-либо определенное навряд ли удастся), весьма вероятно, и

---

[1]) Тов. Манцев—б. председатель М. Ч. К., который вел дело анархистов подполья. Прим. ред.

поэтому я до приезда Розанова нахожу необходимым от всяких посещений, куда бы то ни было отказаться, так что все Ваши предположения неосновательны. Но у Вас, мне кажется, имеется еще одно четвертое предположение, которое менее всего вероятно, но которого Вы, не знаю почему, не хочете высказать. Четвертое предположение то, что пользуясь свободой, я могу предупредить л. эсеров и до приезда Розанова они могут скрыться. Вот это-то предположение для меня важнее всего. Для Вас это предположение является ни более ни менее, как тормозом к удовлетворению моей просьбы. Для меня же это гораздо больше: оно говорит мне о многом, оно показывает мне совершенно другие стороны в жизни людей, а в частности и в тех допросах, которым подвергаюсь я. Для Вас это «исполнение служебных обязанностей», формалистика, не более. Для меня это вскрывает совершенно иные области в жизни человека, показывает, до какой низкой степени опустился нравственный уровень человечества.

Становится больно, поймите же. Нестерпимо больно за незаслуженную пощечину. Больно за то, что, подходя к людям с чистыми чувствами, с чистой юношеской, наивной верой, ты замечаешь, что все эти искренние молодые порывы бессмысленно и жестоко забрасываются грязью, оскорбляются ни на чем не основанными подозрениями и отсутствием доверия там, где оно должно быть. Для Вас все мои показания ни более, ни менее, как «шкурный вопрос», для меня они вызваны не жаждой жизни, а сознанием всей важности переживаемого революционного момента и жаждой революционной творческой работы. Вы наверное поставите себе вопрос, где же было мое сознание в тот момент, когда я работал с ними. Оно было со мной и работа с «ними» была вызвана желанием что-нибудь делать. Несмотря на те глубокие разногласия, которые существовали у меня с их методами борьбы, я все-таки работал потому, что не мог отдаться спокойному созерцанию борьбы двух миров: мира отжившего, мира кровавой вакханалии и опричнины и мира нарождающегося, мира свободной яркой мечты действительности, мира социалистического. Тем более, что в их действиях я не видел ничего контр-революционного, за исключением «акта», которого ни я, ни они впоследствии не оправдывали. И если не ошибаюсь, я уже писал Вам о тех некоторых порывах, с доносом на имя которых у меня не один раз появлялись. С доносом не для того, конечно, чтобы их расстреляли, а для того, чтобы на время гражданской войны их изолировали от общества. Ибо они все-таки были революционеры, они будировали мысль общества, они не давали массам уснуть, отдаться апатии и каждым своим словом (листовкой) они пробуждали, толкали вперед человеческую мысль. Здесь нет места контрреволюции. Ведь для каждого сознательного человека ясно, что в общем итоге их листки ничего не давали массам и все их призывы и лозунги были не более, как разгоряченным бредом их фантазии. Ведь они видели индиферентность масс, они больше чем кто-либо, не верили в возможность восстания, им больше удовольствия доставляло (как они выражались) «бесить большевиков», чувствовать, что они неуловимы, что даже В. Ч. К. не знает ничего об их местопребывании.

Но, тов. Манцев, они ли виноваты в том, что им пришлось сталкиваться и жить в условиях, толкнувших их на этот путь, на путь бессмысленного и бессильного возмущения против действий большевиков. Виноваты ли они, что среди членов Р.К.П.Б. есть люди, занимающие ответственные посты—далеко не революционеры, которые своими действиями толкают всех честных людей или вправо, или влево, или к пошлой обыденной жизни мещан. Для революционера путь один—влево и они пошли. До этого большинство из них работало рука об руку с большевиками. Вы спросите, почему они ушли от партии, видя в ней людей далеко не революционных, трудно сказать, но мне кажется, что потому, что люди они все с горячими темпераментами, не привыкшие ни к каким критическим анализам. Привыкшие в действиях одного видеть действие всех. И отчасти потому, что были оторваны от внутренней организации и жизни Ваших учреждений. Видите ли, прочитав данные Вами мне журналы Красный Пахарь, я совершенно другую картину увидел, я знал, что, несмотря на все трудности переживаемого момента гражданской войны, партией большевиков очень много сделано в смысле организации Народного Хозяйства и правильной постановки Советских учреждений, те факты дали мне гораздо больше, нежели какая-либо агитация. Из них я узнал, что партия большевиков многое сделала, что она взяла довольно правильный путь к достижению намеченной цели. И в этот день я ясно и определенно поставил себе вопрос: революция или контр-революция, прогресс или регресс действия б. и ответил: революция. А если так, то всякие другие действия, каким бы именем они ни прикрывались, под каким бы флагом идеи они ни проходили, есть преступление по отношению к революции. И вот тут-то, сидя в руках с Красным Пахарем, я сказал себе: я с революцией, с партией Б. за укрепление завоеваний и за организацию экономической жизни страны. В организационном смысле трудовой народ в лице Р.К.П. найдет незаменимого честного работника в моем лице. Потом столкнулся я с жизнью. Увидел Брянскую Ч.К., Тульскую и стало больно, везде видишь не революционеров дела, а жалких карьеристов, которым свое положение в партии важнее всякого дела, а в Брянской Т.Ч.К. находятся люди, не только ничего общего не имеющие с революцией, а даже и не знакомые с целями и путями революции, просто хулиганы. И вот когда видишь, что сильные, смелые люди, способные на высокие поступки и сильные переживания, идут по неправильному пути в своих чувствах и стремлениях, желающие и стремлящиеся к полному торжеству революции, но в своих действиях бессознательно способствуют гибели революции и торжеству темной реакции, как неудержимо хочется крикнуть им: «Остановитесь, безумцы! Что вы делаете? Одумайтесь!» Да, больно видеть такой факт и еще больнее, почти невозможно примириться с таковым явлением. Но вдвойне больнее уничтожать таких людей или видеть их геройскую, но бессмысленную смерть от рук революционеров. И способствовать, помогать этому ничто не в силах заставить, всякие шкурные интересы отпадают сами собой. И только вернувшееся сознание, только желание торжества революции, только

Тов. Николаева.

сознание своих ложных путей, по которым следовали мы, заставляет исправить свою ошибку и показать точно, как все дело протекало. Показать не для того, чтобы Вы всех расстреляли, а для того, чтобы выяснить те пути, то заблуждение, по которому шла организация. И поставить перед Вами, революционерами, вопрос: за что погибли одни и держатся другие под арестом. За контр-революцию? Ее не было. За преступление? Его тоже не было. Было заблуждение, была ошибка, была оторванность от жизни и работы партии Б. Судите же за ошибки, за заблуждение, не приписывая им контр-революционных дел. Для них революция была так же дорога, как и Вам. Все мысли их были вечно заняты борьбой за революцию, за счастье народа. Даже и сейчас возможно перед своей смертью они останутся честными революционерами. Они Вам не дадут честного слова, которого они бы не исполнили, ибо это идет в разрез с их человеческими убеждениями, даже ценой своей жизни они не продадут честного слова. Но судя их за ошибки, не забудьте, тов. Манцев, принять во внимание то, что эти ошибки порождены Вами же или, вернее, условиями; «акт» был также порождением провокационных сведений, будто бы должен быть обсуждаться вопрос о репрессивных мерах по отношению к рабочим и о введении в Москве осадного положения. Вся работа была сплошным заблуждением, но... однако я немного отвлекся, простите.

Так вот, тов. Манцев, обидно, когда приходится быть одураченным, когда на тебя смотрят, как на дойную корову, которую под каким-то страхом думают использовать, выдоить у тебя необходимые им сведения. И совершенно не верят, что все эти сведения даются не благодаря давлению замка, под которым находишься, а под влиянием иных впечатлений и той веры, с которой относишься к людям. Хорошо: я Вам дам необходимые сведения. Но если Вы боитесь открыть свои ворота для свободного хождения, то я верю, что на 3—5 дней Вы меня отпустите из Комиссии под честное слово, что я не убегу и никого из работников л.-эсеров посещать не буду. Если Вы мне верите, то я надеюсь в пятницу 28 ноября быть свободным до определенного Вами срока.

Мне необходимо получить белье, сходить в баню, все эти дни я буду находиться у своей тетки.

Вот все, что я могу предложить Вам. С приветом NN.

Могу сделать и еще одно предложение. Пусть оно не покажется Вам ужасным или бессмысленным. Оно заключается в следующем:

Отпустите некоторых арестованных на свободу под честное их слово, что они будут работать с Вами. Пусть не агитация, а сами факты, сами действия говорят за Вас. Агитация не достигает цели, она слаба, между тем, как действия дают многое.

Что Вам или революции в смерти или в уничтожении каких-нибудь 6—8 человек заблудившихся революционеров или не знающих еще жизни молодых голов? Ничто! Что достигнете Вы расстрелом этих 6—8 человек? Уничтожите опасность? Ее и так не будет, если они дадут слово. Удовлетворите чувство мести за «акт»? Но ведь они раньше ареста раскаялись в своем поступке. Это была, правда, тяже-

лая, но смелая ошибка,—ошибка революционеров по отношению к революционерам. Здесь не должно быть чувства мести за экспроприацию. Ведь все те деньги шли на работу для революции. Пусть это заблуждение, но они же так думали, они этим жили. Я Вам указывал на факт с Соболевым, когда он из несколько сот тысячной суммы пожалел отдать за штаны 1000 руб., которые ему были необходимы. Да неужели же эти несчастные деньги должны иметь какую-либо цену для революции. Неужели они дороже той работы, которую могут сделать эти люди, будучи освобождены. Вы поймите же, какое громадное моральное значение будет иметь этот акт освобождения в глазах рабочих, красноармейцев и тех же махновцев, ведь всякий расстрел кого бы то ни было действует разлагающим образом. А расстрел революционеров или рабочих, тем более, Вы соприкоснитесь с массой красноармейцев или рабочих и Вы увидите, какой нездоровый для Революции след оставляет весть о расстрелах, в их ушах, в их чувствах и, наоборот, какой здоровой струей входит в их сердце весть о помиловании (как наблюдалось, напр., при помиловании Миронова). Так что уничтожение 6—8 человек не достигнет цели и для Революции, для ее торжества ничего не даст, кроме лишних бессмысленных кровавых страниц, вписанных в историю великой революц. борьбы пролетариата, да антиморального разложения в массе рабочих и красноармейцев. Между тем как сохранение их жизней, предоставление им свободы внесет здоровый, оздоровляющий дух в среду трудящихся, послужит наилучшей агитацией для всех людей. И для революции даст незаменимый честный и необходимый ей революционно-творческий элемент. Такие работники, тов. Манцев, в нашем поколении исчисляются десятками, может-быть, они нужны революции, они полезны ей, они ведут ее к полному торжеству. Незаменимы они будут и как «боевики» и как здоровый честный элемент, как «организаторы» экономической жизни, и как работники в тылу неприятеля и на фронте. Дайте некоторым из них организацию какой-либо отрасли нашей жизни, и Вы будете поражены теми результатами их работы—все это творческий элемент.

Итак, их освобождением Вы получите незаменимых работников, революция получит новых борцов этим актом освобождения, Вы вернете их на правильный путь, по которому первое время они шли, сохраните несколько молодых жизней, внесите здоровую струю в фабрично-заводскую и казарменную и фронтовую жизнь, не говоря о махновцах, которым этот акт даст новую мысль, новое понятие о партии Б.

Дать честное слово и не исполнить его они не могут. Но даже если и так, если даже они не пойдут по новому пути, а пойдут постарому, то у вас будет всегда иметься возможность арестовать их. Все сведения об их планах, работе и местопребывания Вами будут получаться. Но это не может случиться, им смерть не страшна и ценою честного слова они не купят жизни, если остались при своих взглядах.

Самый революционно-творческий элемент: М. Гречаник, Цинципер, Барановский, Восходов, Петя, эти пять человек для революции

будут стоить дороже сотни революционных карьеристов. А Деникину обойдутся в несколько десятков взрывов и убийств золотопогонников.

III.

Вместо предисловия.

Февральская революция застает меня за работой в типографии «Печатник» и впервые пробуждает меня к жизни (до этого я был занят всецело сам собой, самообразованием) Все свободное время, начиная с первых дней революции, было отдано на организацию рабочих клубов, библиотек и т. д. вплоть до октябрьской революции, когда я бросил работу и пошел на фронт, на борьбу с юнкерами на Дону. Одно время работал с Антоновым в полевой контр-разведке, потом перешел в отряд Петрова, с которым работал вплоть до июля 1918 г., когда я был арестован в Баку англичанами и впоследствии расстрелян. В это-то время своих молодых, безудержных порывов я и познакомился со многими анархистами и л. эсерами, которых в то время особенно было много на всех фронтах, в том числе и в штабе Антонова и в штабе Петрова.

Уезжая из Баку с тремя из сотрудников Петрова (анархистами), мы думали пробраться на Украину и вести борьбу с Гетманом. Проездом через Брянск остановились временно там, в надежде получить кой-какие связи с Украиной. В виду отсутствия знакомств остановились в Федерации, и когда произошла в Брянске траги-комедия, названная восстанием против Советской власти, мы, как жившие в Федерации, были задержаны и арестованы. Просидев 2 месяца, мы по суду были оправданы и освобождены, после чего я направился на станцию Зерново, где находился тов. Борисов, и был откомандирован им на Украину по организации восстаний и террора, где я работал в этом направлении вплоть до декабря 1918 года, после чего я приехал в Глухов и работал в отделе Народного Образования и вел организацию по селам библиотек, театров и т. д. вплоть до февраля 1919 года. После чего я почувствовал себя уставшим и поехал к родным в Харьков, где поступил в типографию П. О. Ю. Р. и работал вплоть до прихода Деникина в Харьков, не ведя никакой политич. и культурн.-просветительной работы, за исключением выступлений на сценах при рабочих клубах и народном доме. Не желая оставаться в Харькове при Деникине и не имея возможности выехать из него, я принял предложение Ковалевича (который незадолго до этого прибыл в Х.) ехать с ним до Киева. В Киев попасть нам не удалось и мы окружным путем через Смоленск попали в Москву. Знакомств никаких не было, работы найти не удавалось. Моя попытка работать в «Цекультуре» потерпела фиаско, потому что на бирже труда от меня потребовали аттестат (о моей прежней работе), которого у меня не было. Время от времени Ков. снабжал меня финансами, потом предложил походить по рабочим, узнать их мнение, потом давал поручения, письма к

своим знакомым, в смысле подыскания комнат, типографий для печатания листков и т. п., потом... потом арест, что будет потом—не знаю. Но теперь моя физиономия для Вас ясна и я предлагаю освободить меня, ибо я прямо и честно говорю, что я желаю работать с Вами, говорю это не потому, что мне важно освобождение, а потому, что хочу работать.

IV.

Открытое письмо к анархистам подполья всех городов России.

Дорогие друзья!

Позволяю себе обратиться к вам с настоящим письмом. С тем, чтобы пробудить в вас задавленное вашими чувствами возмущения сознание,—сознание искренних людей, стремящихся к полному торжеству революции. Ошибочно, конечно, говорить, что вы работаете на средства Деникина, ибо я знаю вас, так же, как и вы меня, и знаю, что многими из вас руководят чистые искренние порывы возмущения против некоторых действий (не власти и не партии), а некоторых лиц, стоящих у власти и состоящих членами Р. К. П. (больш.).

Но, друзья, в семье не без урода, это вы знаете и по составу своих федераций, для того, чтобы искоренить все позорные явления и действия некоторых партийных работников, для этого не нужно слишком далеко отходить от жизни и деятельности партии, не нужно закрывать глаза на те условия, в которых приходится вести работу коммунистической партии, а нужно войти в ряды партии и всеми силами противодействовать разложению партии. Прав был тов. Рощин, говоря: «Почему вы не работаете с большевиками? Если бы вы работали с ними, мы бы перевернули весь мир». И действительно приходится сожалеть, что такие люди, полные силы, энергии и храбрости,—люди, которые во все века числились десятками, гибнут бесцельно, загораясь своими искренними, но ошибочными чувствами возмущения, отбрасывая в сторону всякие критические, здоровые размышления, не желая сознать ошибочности своих чувств и своих действий, нет ошибки в том, что своими действиями вы играли на руку Деникина. Вы шли с ним за контр-революцию, против народных завоеваний. Пусть нет по вашему революции, нет свободы, но есть народные завоевания, есть улучшения народного быта в областях политических и экономических, пусть нет революции, но мы неуклонно идем в царство социализма, правда, медленно, но все же идем, правда, вы не замечаете этих частичных улучшений, ибо вы оторваны от жизни, от массы, правда, вы не замечаете революции, так же как не замечал ее и я, работая с вами, но мы были оторваны от революции, мы избрали неправильный путь для борьбы. Мы взяли на себя задачу защиты угнетенного на наш взгляд рабочего, но мы ошиблись. Большего счастья при современной разрухе, которая вызвана войной, дать невозможно. Ни вы ни сам народ, пока есть фронты, не могут добиться лучшего существо-

вания, ибо разрушено производство, все силы, способные поднять его, отданы фронту, существует блокада и проч., и пр., и пр. Все это исчезнет с прекращением войны и все-таки, несмотря на все эти дефекты, несмотря на неудачные условия, в которых приходится вести строительство новой жизни, несмотря на многие ошибки, все-таки многое сделано в смысле организации политической и экономической жизни страны. Ошибочно думать, конечно, что партия больш. творит жизнь страны, нет, творит ее сам народ непосредственно, партия б. является ни более, ни менее, как руководительница, как чертежник, дающий народу определенный план. Народ же проводит этот план в жизнь. Здесь нет власти, здесь опыт, знание, все, что хотите, но не власть. Что же касается политической жизни страны, здесь да, есть власть, но эта власть, временная власть, на время революции, на время гражданской войны. По окончании войны она сама по себе сойдет на-нет, сама изживет себя, ибо будет бесполезной. А в данный момент, в момент, когда вся контр-революционная свора опричников хватает за горло, хочет задушить революцию,—в этот момент каждый здравомыслящий человек скажет: «да, власть необходима», и множество фактов подтверждают необходимость власти во время революции; кто не слеп, тот в этом сознается. Я не взял на себя задачи агитировать вас, нет, я поставил себе скромную цель сказать вам, что мы все заблуждались, что анархия хороша—это факт, но что она придет не через индивидуальные бунты, восстания и терроры, а через эволюцию умов, через революцию интеллекта человека—это тоже факт.

Я хочу сказать, друзья, возьмите свои чувства в руки, оставьте всякие попытки к восстанию, ибо это грозит всем завоеваниям революции. Я знаю, что тяжело видеть задавленного человека, но его задавили условия, а не партия. Ведь мы сами говорили, что, переменив условия, переменится и человек, но в том-то и беда, переменить условия жизни в данный момент бессильны кто бы то ни был, ни партия, ни народ, ни анархисты, ибо весь творческий элемент на фронте, весь народ там. Оставить фронт, значит, подписать себе и завоеваниям смертный приговор. Возможно я заблуждаюсь, не знаю, но кто думает иначе, кто верит, что анархия придет не благодаря эволюции умов и культ.-просветит. раб., а через восстания, пусть выступит на страницах этой газеты в дискуссионном порядке, не подписывая своей фамилии. Безразлично легальные ли анархисты или подпольники всевозможных городов России, я знаю, что во мне ошибки быть не может, ибо много материала видел я по организации жизни рабочего класса. Многое уже в жизни, многое проводится, а еще больше проведется, когда кончится война. Медлительность проведения в жизнь улучшений жизни страны об'ясняется не индиферентностью партии, а условиями гражд. войны.

Я верю, друзья, в проблеск вашего сознания, я верю, что вы поймете ложность выбранного вами пути, ибо наше заблуждение стоило жизни К. Ковалевичу, Соболеву, В. Азарову и многим другим. Вам известны эти лица, эти наивные дети, готовые для революции отдать свои жизни. За что погибли они? За то, что они жили искренними

чувствами. Их сознание было поглощено чувствами. Но чувства хоть и искренние, но большинство ошибочны.

Я знаю, что представлял из себя Соболев, человек безумной храбрости, способный сам индивидуально перевернуть многое. Вся работа его была направлена на торжество революции. Бескорыстная натура. Имея в своем распоряжении сотни тысяч и когда у него порвались солдатские штаны, он пошел на Сухаревку, желая купить другие. И когда он узнал, что цена штанам от 1.000 до 1.500 р., ему стало жаль денег и он не купил; так и умер в старых, грязных, солдатских штанах. Человек, выбрасывающий для работы не задумываясь десятки и сотни тысяч, пожалел 1.000 руб. на покупку штанов и такие-то люди гибнут жертвой своего заблуждения, которые не видели выхода, но могли узнать, где же действительно торжество революции, торжество завоеваний рабочего класса. За что погибли? За заблуждение. Зачем оно? Одумайтесь!

С товарищеским приветом *Миша Т.*

V.

Вы просите песен, их нет у меня, но что знаю о жизни и деятельности организации я сообщу, основываясь на личном наблюдении и на тех сведениях, которые слышал от К. Ков.

Начало этой организации положил, по сведениям Ков., некто Бжостек, выпустив 1-ю листовку к 1 маю. Потом недостаток средств и людей заставил на время прекратить работу, уехать на Украину, найти средства и людей для работы; там он и затерялся, не найдя ни средств, ни людей. После долгого ожидания, приблизительно двух месяцев, Ков. поехал вслед за ним на Украину с тем, чтобы разыскать его; доехал он до Харькова, Бжостека там не нашел, дальше ехать не захотел и остался в Харькове. Когда Деникин стал подходить к Харькову, он, получив от какой-то группы средства и подобрав себе публику (латышей часть), выехал с ней из Харькова. По приезде в Москву Ков. взялся за установление связи с рабочими, а остальная публика села в ожидании у моря, погоды. Когда средства стали подходить к концу, они решили их пополнить и взяли (первое их дело в Москве), если не ошибаюсь, в Отд. Нар. Банк. на Серпуховской площ. 2-е дело я не знаю где они брали, 3-е Нар. Банк., Б. Дмитровка. После чего все латыши из Москвы уехали. В Москве осталась незначительная группа под руководством П. Соболева, которая незадолго до ареста сделала еще где-то экспроприацию. Потом они куда-то уезжали. Когда они вернулись, я не знаю, ибо вплоть до своего ареста я их ни разу не видел. За все время своего нахождения в Москве они выпустили след. листки.

1) Правда о махновщине, 2) где выход, 3) извещение, 4) декларация, 5) N 1 газеты анархия, 6) медлить нельзя и 7) N 2 газеты в следующем количестве: 1) количество не знаю, 2) 15.000, 3) не знаю, 4) не знаю, 5) не знаю, 6) 30.000 и 7) приблизительно 3 000, при

Тов. Игнатова.

чем печатались они в следующих местах, 1) и 2) [illegible] ова, который по просьбе Ков. нашел типографию, 3) 4) 5) [illegible] дпольной типографии и 6) в одной типографии, которую [illegible] Ков. нашел некто Мухин, к взрыву в Леонтьевском пер. [illegible] вали следующие обстоятельства. В тот же день 3 час., по рассказу Ков., явился на Арбат один л. с.-р., который сказал якобы, что вечером состоится собрание комитета Р. К. П. (б.), на котором будут все видные представители партии и будут обсуждать вопрос о введении в Москве осадного положения и о борьбе с анархистами подполья, о которых комитет якобы имел уже некоторые сведения об ее работе, об ее количестве. В тот же день, вечером акт был сделан. Кто принимал в нем участие, точно не знаю, но знаю, что там были Соболев, Барановский, Миша Гречников, кто бросил бомбу, не знаю, но факт тот, что дело, сделанное под влиянием чувств, им самим не доставило никакого удовлетворения, они сами испугались своего акта, когда узнали, что большинство погибших там рабочие. Чем и можно объяснить тот факт, что «Извещение», выпущенное после акта, было подписано не организацией, а каким-то несуществующим, Повстанческим Комитетом. По всему вероятию и они боялись взять на себя ответственность за дело, которое впоследствии они же сами ничем не могли оправдать, и не оправдывали и если впоследствии они опять кричали в своей газете о том, что сделали они, то я лично думаю, что это вызвано не сознанием самого акта, а скорее их упрямством, их нежеланием сознаться в своей ошибке, короче, желанием остаться правыми в своих действиях. Вот все, что можно сообщить о жизни и деятельности организации анархистов подполья.

Что касается отношения большинства членов этой организации к большевикам, то оно было отрицательным потому, что, по их мнению, в партию вошло много элементов, ничего общего не имеющего с рабочим классом и с революцией.

Отношение к тов. Ленину и Луначарскому было самое хорошее. Несколько раз некоторые из них высказывались, что, если бы им предоставилась возможность без всякого риска убить Ленина, они бы его не убили потому, что уважали его, как революционера.

Приблизительно в апреле месяце, некто Бжостек, которого я не знаю, приехал в Харьков на розыски Василия Соболева и на подыскание надежной публики на взятие в Москве в каком-то учреждении 40 миллионов. Соболева он не нашел в Х. и поехал дальше в царство Махновщины в Гуляй-Поле. Встретил он там Мар. Никиф. и остался там, не найдя ни публики ни Соб. После отстранения Махно от должности «комдив» — а, части анархистов приехали в Харьков, где в это время был уже и Ков., который приехал в поиски Бжостека. После расстрела штаба Махно приехавшая публика, которая работала у Махно, возмутившись актом расстрела, решила отомстить за смерть махновцев смертью лиц, принимавших участие в вынесении приговора о расстреле: Пятакова Раковского и др. Но страсти остыли, и решено было начать бить по центру, т.-е. Москве, откуда якобы исходит все зло.

Этот план поддержал Ков., который давно мечтал о поднятии массового движения рабочих против комиссаров за октябрьские завоевания, безвластные советы и конфедерацию труда. На этом плане они и столковались, начался подбор людей; к этому времени приехал Соболев, который, также согласившись с этим планом, предложил для работы группу латышей приблизительно 18 человек, потом было подобрано человек 6—7 русских, но средств не было и вот через Соболева были взяты у одной группы средства в размере 300.000 руб.

Итак, публика сговорилась, подбор сделали, средства достали и, веря в свои силы, двинулись в путь, разбившись на две группы.

Начало сделано. Ков., опоздав на поезд, остался в Харькове. При наступлении Деникина на Х. ему удалось выехать совместно с еще одним человеком, и со мной. По приезде в Москву оказалось, что публика еще не приехала. Но Ков. не унывал, он начал подыскивать квартиры, завязывать связи с рабочими, и вскоре написал первую листовку, правда, о Махновщине, которую и отпечатал через посредство своего старого знакомого некоего М.—меньшевика в размере 10.000 за 15.000 руб.

Итак, фундамент был заложен. Приехавшая публика ничего не делала в ожидании возвращения Бжостека и взятия 40 миллионов. Но «барина все нету, барин все не едет», средства пришли к концу. Начали понемногу шевелиться, выходить на разведку и в один прекрасный день взяли Отделение Нар. Банка по Серпух. площ., если не ошибаюсь, на 800.000 руб., после чего последовала 2-я листовка, где выход через ту же типографию, в количестве 15.000, за 22.500 руб., потом взяли, если не ошибаюсь, отд. банка на Таганск. площ., в каком размере—не знаю. Потом Отд. Нар. Банка на Дмитровке, кажется, 800.000 руб. После чего латыши уехали в Латвию, забрав большую часть средств с собой; оставшаяся публика подыскала дачу, нашла через чьи руки, не знаю) где-то шрифт и станок для печатания, устроилась на даче и отпечатала свою декларацию, количество не знаю.

(Дальше вам известно из предыдущей записки).

VI.

Характеристика М. Тямина.

Любимец матери, рожден в 1895 г., учился в Москве в 1 Андроньевском училище. Окончил 3 класса со свидетельством, с большой жаждой учиться и весьма способный. Но нужда заставила отказаться от учения и бросила с ранних лет в работу. В Харькове поступил в переплетную в учение на 3 года; проработав около года, он уже считался мастером, получил оклад мастера и этим поддерживал семью в 5 человек, не считая отца, который служил дворником.

Стремление к знанию заставляло его все свое свободное от работы время, все праздники отдавать на изучение дома разных наук, как-то: арифметика, алгебра, история литературы и т. д., в дальнейшем посещал Харьковские рабочие курсы, вечерние, где отдался изучению

всеобщей истории, геометрии, алгебры, французского и немецкого языков. Тут же впервые ознакомился с социализмом и познакомился с некоторыми работниками Р. К. П. (б.) в том числе и с Погодиным. В 1916 году принимал участие в распространении прокламации против войны и устройстве стачек в своем предприятии, во время революции работал в мастерской и свободное время уделял организации рабочих клубов и библиотек и вообще все время вел мирную, кропотливую культурно-просветительную работу, где только находил возможным.

Последнее время по приходе Деникина в Харьков был хозяином предприятия Шептелевичем рассчитан, как неспокойный парень, остался без работы, другого места найти не мог и приехал в Москву. Но и Москва встретила его недружелюбно; думал он устроиться в каком-нибудь учреждении, но это оказалось ему не под силу. Совершенно случайно встретился с товарищами по Харькову, а потом со мной; одно время ходил на курсы по подг. раб. и кр. в высш. уч. зав., потом записался к Шанявскому и посещал его.

Все время пребывания своего в Москве он мыслью уносился туда, к матери, на юг. Но недостаток в нашем распоряжении средств не дал ему возможности выехать отсюда. Отношение его к организации ни более, ни менее, как случайное знакомство с членами организации, с Каз. Ков., с которым он познакомился через меня, потому что Каз. Ков. заходил иногда ко мне на квартиру, где был и он. Жил он по фиктивному документу, который достал для него Каз. **Ков.** по предложению Каз. Ков. и моему; основанием было то, что в случае моего ареста, чтобы он остался нетронутым, как совершенно частное лицо. Убеждения его чисто толстовского свойства, но индивидуального. За все время своего существования он ни разу не держал револьвера в руках и не знал, как с ним обращаться.

Верить в восстание, как в спасительную силу, он представлял глупцам, сам же везде и всегда говорил, что человечество придет к счастию, только благодаря эволюции умов, и что революция, наоборот, пробуждает в человеке зверские инстинкты, чем и приближает человечество скорее к первобытному дикому состоянию, нежели к царству социализма. Вообще у него осталось нечто отцовское, который был толстовцем и за все время своего 49 -летнего существования ни разу не мог зарезать курицу, боялся крови и предоставлял это занятие матери. Этим, пожалуй, все сказано о нем, и чуткие люди, мне кажется, вполне удовлетворятся этой характеристикой и не будут копаться в его душе, и искать каких-либо дополнений всего характера или каких-либо отношений к организации, с которой он положительно ничего общего не имел. Копание в его душе ему доставит только страдания и неприятность, а человеку, решившемуся на это копание, ничего не даст.

Я верю, что это не случится. Дополнений дать он не может.

VII.

Моя просьба.

Все, что вам необходимо знать о Заваляеве, я вам скажу. Но прошу оставить его в покое, ибо я его слишком люблю. Нового он вам сообщить ничего не может, все, что он знал, он мне рассказывал, все, что я вчера сообщил вам, это было взято от него и отчасти из моих личных наблюдений и бесед с Казимир. К. Относительно его фамилии пусть он сочтется для всех Заваляевым, а для вас и меня,—моим братом. Не копайтесь в его душе; вы чуткий человек, вы должны понять, как тяжело для него такое положение, в котором он является ни более, ни менее, как козлом отпущения чужих преступлений; он задержан только потому, что был знаком с Ковалевичем, и только.

Да, я не отрицаю, что он анархист, но он анархист толстовского толку. Вреда от него не может быть никакого. Я его знаю лучше вас, я знаю, что за все время он мухи не обидел, он ни разу не держал револьвер в руках, ибо слишком далек от этого, он все время не верил и порицал метод борьбы, принимаемый подпольниками. Вы рабочий-революционер, вы чуткий, вы поймете, как тяжело ему было расстаться с матерью, оставив ее на руках 13-летнего брата. Поиски куска хлеба погнали его в Москву. Здесь он все время имел чисто личную связь с Ковал., ибо кроме у него не было тут знакомых.

Тов., я прошу вас, если вам нужны жизнь или кровь невинного человека, возьмите мою, но отпустите его, а еще лучше, дайте возможность уехать ему к матери в Харьков. Я даю вам честное слово старого работника коммуниста, что он в подобную историю больше не впадет. Отпустите его, вы рабочий, мы тоже рабочие, вам понятно чувство сына к матери. Сообщить он никому не может ничего, предупредить тоже, ибо адресов никаких он не знает, нового ничего сообщить не может, все, что он знает, знаю и я; зачем он вам? Я остаюсь тут, я не верю в свое спасение; вам, как личности, я верю и уважаю вас, но вам, как определенному учреждению, я плохо верю. И все-таки, несмотря на то, я сказал вам все, я всеми силами старался помочь вам скорей ликвидировать это дело. Все, что у меня было, я сообщил. Какие нужно будет дополнения, я скажу. Адреса, которые у меня имелись, я передал. Я говорю все, исходил отнюдь не из желания спасти себя, ибо я знаю, что если меня не расстреляют, то мне дадут несколько лет тюрьмы, что равносильно смерти, ибо я страшно слаб. Говоря все, я исходил из того, что считаю всю деятельность этой организации вредной для революции и для народа. Для меня для самого важно вырвать с корнем эту язву. Ибо я знаю, что за люди находятся там. У меня еще в первые дни приезда являлось такое желание, но отчасти боялся их мести, отчасти боялся, что меня начнут таскать на допросы, как, что, откуда, и т. д. Ч. К. Я даю честное слово, несмотря, будут ли меня караулить

или нет, я не уйду до тех пор, пока [illegible]вари не будут арестованы. Если будет нужно, я сам лично с помощ[illegible]ших сотрудников возьмусь за розыск. Возможно нам удастся ещ[illegible]ити связь с левыми эсерами. Но одно прошу, отправьте Заваляев[illegible] к матери. А мне дайте какую-либо работу при своем учреждении. Или кончайте, меньше агонии.

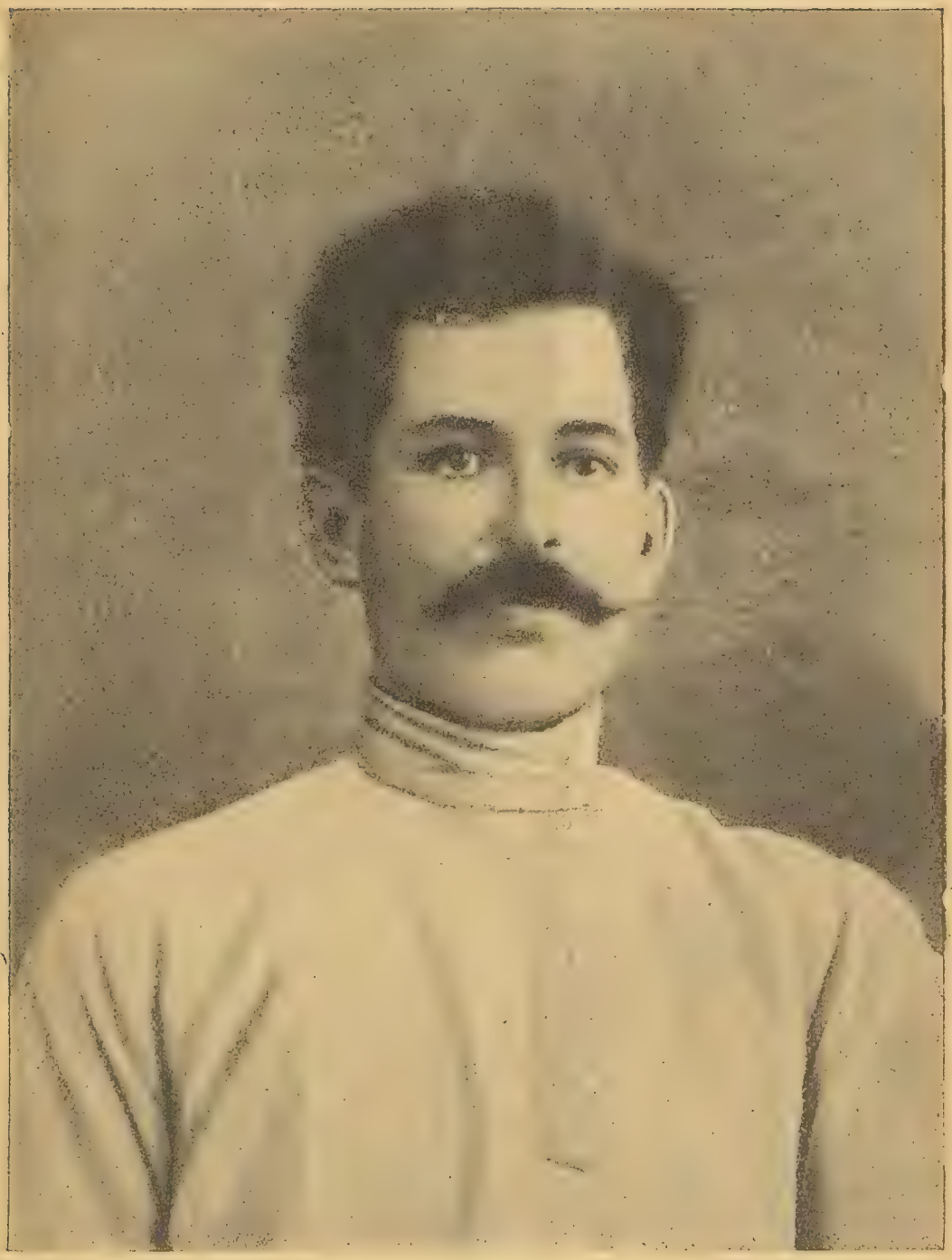
Уважающий вас (подпись).

VIII.

В июне месяце с.г., проезжая мимо Тулы из Бердянска в Москву, три товарища, Николай Бельцев, Григорий Кремер и Андрей Португалец (с последним я только познакомился), остановились на 2 дня в Туле, где я их встретил. На мой вопрос, зачем они едут в Москву, они сказали, что все парни с'езжаются туда, что там предполагается поставить организацию анархистов, и что работы будет много. Пользуясь месячным отпуском, я решил тоже поехать в Москву. Приехал я по адресу, на Мало-Казенный пер., где и встретился с членом подпольной организации анархистов подполья Александром Шапиро, с которым я через 5—6 дней пошел на собрание в Сокольники, где нас было 15—17 человек, совершенно незнакомых мне людей. На повестке дня стояло только два вопроса: 1) постановка организации и 2) финансовые операции. Собрание продолжалось часа три, но определенно ни к чему не пришли, назначив следующее собрание через 7—8 дней в том же месте, куда тоже собралось человек 20—22, но большинство были опять новые лица. Говорили почти о том же, что и в первый раз, но опять ни к чему не пришли только потому, что не было Соболева на собрании. Вообще его имя вспоминалось часто и Ковалевич, с которым я познакомился на этом собрании, сказал, что начать без него работу невозможно по многим причинам: связь многих губернских городов, часть уездов и Москва для него знакома больше всего. Уезжая из Тулы на 4—5 дней, я пробыл в Москве 3 недели и все-таки ничего не узнал; уехал в Тулу, где встретил Якова Глагзона, Дядю Ваню и Сашку, фамилию которого не знаю. Дядя Ваня и Сашка скоро уехали по направлении к Самаре. Глагзон же остался в Туле и через несколько дней сообщил мне, что Соболев в Москве. Меня сильно интересовал этот тип, и я решил опять поехать в Москву, где через 2—3 дня на собрании я встретил его. Собрание было очень оживленно. Соболев выступил с проектом по устройству организации анархистов подполья. Здесь же была предложена тов. Шапиро новая форма организации, так называемая семерка; после сильных прений была принята эта новая форма, по которой и решили строить организацию. О финансовом вопросе говорили очень немного, отложив его до следующего собрания, и из кого оно состояло, я не знаю, так как не был, а когда дней через десять мы собрались опять, то о деньгах уже не говорили и после этого собрания Яша Краснокутский уехал ставить организацию на Урал. Впечатление на меня более дельных произвели: Соболев, Ковалевич, Краснокутский, Лев Черный, Андрей

Португалец и 2 латыша, Адам и Андрей. По моему мнению они и были организаторами всего. Я знал также, что у них своя группа из 14—15 чел., но на собраниях участвовали не более 7—8 чел. Приехали они тоже с Украины. В виду отсутствия средств в организации всякие технические работы откладывались, как, например, постановка типографии, закупка взрывчатых веществ и оружия и т. п.

Вскоре завязалась связь между Л. С.-Р., членами Ц. К., 1) Павлом Шишко и 2) Семиколенным и с максималистами 1) Сундуковым и 2) Петроковым. Судя по разговору этих двух последних, они были знакомы с Соболевым на Украине. Вскоре они исчезли куда-то из Москвы, и, как я после узнал, они уехали в Тулу ставить дело патронного завода. Оставшиеся в Москве все время говорили, что нужно добыть средства, но все это оставалось словами, хотя, вероятно, кто-нибудь из группы работал в этом направлении, так как все существовали, не работая. Прожив так 10—12 дней, ничего не делая, все стали волноваться, нервничать, пошли раздоры, и 6 человек видных для организации членов откололись от группы и, достав деньги в Отделе Государств. Сберегательн. Кассы, уехали в Тулу. Приехав туда, они заявили, что они посланы Соболевым для дела патронного завода. Дело должно было быть поставлено 15 августа, но по причинам, мне неизвестным, оно было отложено до 1-го сентября. В этот промежуток приехали еще 5 до этого незнакомых мне парней и опять образовались две группы; 6 человек уже ранее отколовшихся, уже официально исключенные из группы, и 5 человек во главе с Сундуковым и Петроковым, которые ставили дело. Между обоими группами открыто завязалась борьба и хотя до дела было еще далеко, но борьба эта грозила принять роковые результаты вплоть до убийства друг друга, но, в конце-концов, они все-таки пришли к следующему заключению: один из шести отколовшихся должен был быть во время дела и определенная сумма из взятых денег должна была пойти в пользу шести. Но во время дела 1 сентября, посланный из шести Николай Беляев ушел с поста, что почти и провалило все дело. Пока все это происходило в Туле, в Москве в это время была совершена экспроприация на Б. Дмитровке в Нарбанке. Как это дело ставилось и кто был ее участником, я наверное не знаю, но, судя по разговорам, в этот день участвовала вся группа латышей, Соболев, Гречаников и еще несколько, как будто 22 челов. Вскоре же после экспроприации группа латышей, взяв деньги, взятые в Нарбанке, уехали в Латвию ставить организацию анархистов подполья. Деньги же из Тулы были привезены в Москву, при чем из этих денег было выдано максималистам—400.000 р. и группе отколовшихся 350.000 р. Остальные же деньги распределились между анархистами и максималистами, но каким образом не знаю. С этого же времени закипела работа и в организации. Стали приобретать оружие, взрывчатые вещества, которые провозились из Брянска, и стала ставиться типография. Судя по разговорам, я знал, что для типографии где-то занята дача, но где она находится, знали очень немногие, кажется, всего пять человек. После выпуска газет и листовок Хиля был командирован в Иваново-Вознесенск, где к его приезду



Тов. Титов.

была приготовлена экс., кем и где было поставлено дело, я не знаю и, вероятно, Хиля случайно попал на это дело, в котором он и принял участие.

По его приезде в Москву за деньгами в Иваново-Вознесенск был послан, кажется, Глагзон, и сколько денег он привез, я не знаю. Тут же была совершена экс. у Страстного монастыря, в каком учреждении, я, наверно, не знаю. Вообще о всех делах мы, рядовые члены организации, узнавали только по совершении их. За несколько дней до провала квартиры на Арбате Соболев, Глагзон, Гречаников и Шестеркин уехали в Тулу, кажется, ставить организацию. Там к ним примкнули Л. С.-Р. Чеботарев, Костромин, Судаков и Сидоров и была совершена экс. на 600.000 р., но наверное не знаю, где, кажется, в Объединении Кооперативов. Деньги в размере 200.000 р. были оставлены, этим 4 эсерам. Во время провала квартиры на Арбате ко мне пришел Азаров и велел ехать в Тулу, найти там Соболева и предупредить о провале на Арбате. В Туле же я и узнал о последней экс. Предупрежденный мною Соболев и товарищи через день уехали из Тулы, а я остался, чтобы пожить дня 2—3 в Туле. О всех делах, как я уже напоминал, мы, рядовые члены, узнавали после, но не посредством собрания, так как у нас их совершенно не было, а просто в разговорах между собою. Мы только наверное знали, что деньгами заведывал Ковалевич и Глагзон. Деньги на существование членов организации распределялись не знаю как, но я лично получал 15.000 р. в месяц. Адресов мы друг друга не знали, известные же явки были на Арбате, 30, и кофейная около памятника Гоголя. Кофейная была снята организацией и заведывали ею две девушки, Таня и Мина. Соболев, кажется, знал все квартиры, так как многие товарищи приходили ко мне по распоряжению Соболева.

Взрыв в Леонтьевском пер. подготовлялся, вероятно, активными членами организации, так как мы, рядовые члены, абсолютно ничего не знаем, только по совершению акта на второй день мне лично была поручена Ковалевичем пачка листовок, с приказанием разбросать ее. Думаю, что и остальным было вручено то же самое. Событий же от провала квартиры на Арбате до моего ареста я не знаю, так как был в Туле.

Показания Александра Розанова.

Первая беседа 21-XI-19 года.

В Тулу приехал вчера, сегодня во второй раз по приезде в Тулу пришел к Чеботареву и попался в руки вашей засады. Первый раз был вчера, застал обоих Фомичевых.

Последнее время работал в Москве: бежал оттуда после разгрома организации. Раньше работал в г. Сердобске, в Отделе Социального Обеспечения, хотел сначала пробраться с Леменевым в Астрахань, но заболел.

После тифа задумал ехать в Екатеринославль, но по дороге задержался в Туле—в мае этого года.

Имею большие связи с анархистами и левыми эсерами, при гарантии сообщу до 100 адресов видных анархистов и левых эсеров.

Пока сообщу следующее:

1) В эксе патронного завода принимали участие: 1) максималисты Прохоров, взят в Москве на квартире Тарасова, 2) Батька—дядя Ваня, находится в Москве, собирается на Украину, 3) Яшка Глазов—убит на даче при взрыве, 4) Петраков, Максим, московской организации—боевик.

2) В эксе Рабочкопа: 1) Розанов, 2) Лименев—по пути к Сибири, 3) Аршинный или Семиколенный—в Москве—Бутырки, 4) Питерская Фроська, эсерка, 5) Федька Питерский—боевик, в М. Ч. К., 6) Сомов—в Москве на воле, квартиру знаю, но не могу сказать адреса—около Серпуховской площади, 7) Иванов—в Бутырке, взят в Тестовом поселке, 8) Костромин, 9) Харитонов, Василий, 10) Сидоров, 11) Власов-Спасский — откомандирован в Симбирск, 12) Карасев из мукомольно-технической секции Губсовнархоза, 13) Хохлов, Егор, в Москве, под именем Голубков, 59 камеры.

Порфирий Антонов предложил план операции и получил 30.000 р. для себя и Кузнецова Михаила. Л. С.-Р. Сидоров, Хохлов, Харитонов и Костромин получили по 25.000 руб., Чеботарев 10.000 руб.

3) Черепанова и Крушинского не знаю, в Москве сделаем попытку найти связь с Л. С.-Р. Могу взять явку к ним и максималистам.

Вторая беседа в ночь на 23-е-XI-19 года.

Василий Костромин в деревне Алексинском или Богородицком уезде. В Богородицке связь его с матросом Елизаровым.

Черепанов заказал в Туле 12 печатей, 1.500 бланков из Военной типографии, 1000 кратковременных отпусков и 500 чистых отставок. Л. С.-Р. занимали у анархистов деньги. Приезжал сам Соболев и печати приготовили действовать чрез Чеботарева и Костромина.

Спросить фамилию: Харитонов, Василий, ходил заказывать бланки

1) Сливкин был в военном комиссариате Тульского уезда, выдавал мелкими партиями с печатями, находится в Увоенкоме или на фронте. Заказывал от имени Военного Комиссариата по его инициативе и содействию Харитонов. Получал в типографии Лименев без всяких расписок. Печать была сделана Борисом Л. С.-Р., где готовятся советские печати, живет он около Воронежской ул., адрес его знает Наумова (дать телеграмму, чтобы она по предложению **Розанова** выдала адрес) Раньше работал у Вакуленко. Послать к Вакуленко и Астамбовскому. Он снабжал всех эсеров печатями.

Лименев в Уфе, как и Курбатов и Беляев, Иван Баташев где и Анна Лунина, учительница. Мать живет в Бутове, около Кисляки в стороне от Крюково. Розанов вначале обещал дать квартиру Сомову, участнику рабочкопского экса.

Костромин, Сидоров и Харитонов, участвующие в эксе Рабочкопа, взяли самовольно по 25.000 руб. Чеботарев и Рудаков, кажется, по 10.000 руб. Судить их приезжали Тамара и Измаилович. Судили у Фани, в это время ее избрали в секретари, а Ивана Баташева—в пред-

седатели Губкомпартии. Кастромин и др. давали ей 2.000 руб., она им швырнула в лицо.

Оружие может быть у Василия Афанасьева, Вознесенская живет у жены быв. кассирши в Рабочкопе. В июне и июле до экса. Взять на угрозу. Пулемет, Пороховая ул., д. Спасской, на чердаке или в ящике в земле стоит все лето 18-го года, поставлен Беляевым.

Под лестницей или за печкой у Соборнова Пулемет-максим. На 3-ей Нижне-Миллионной, д. Зайкова Николай в земле бомба (100) за домом, при вскапывании ватера перепрятали на том же дворе в Зубовском переулке был пероксилин, спрятал его, вероятно, Федька Левицкий.

Савельев-Савицкий был приговорен к условному расстрелу в случае, если убежит с фронта.

Третья беседа 23-VI-19 г.

Адрес Глагзона Яшки — уг. Георгиевской ул. и Госпитальной, рядом с домом, где раньше была самоварная фабрика, рядом с домом б. Лазинского, 2-й дом от угла по Госпитальной ул.

В экспроприации Рабочкопа участвовали еще, кроме уже указанных, Спасский Пав., откомандированный с рабочими инструментальной мастерской оружейного завода, с первой партией и Карасев Ясси в мукомольно-технической секции Совнархоза, справиться у Быкова.

Шелепина Ивана знаю, как старого максималиста-боевика, надежного работника для них. Оружие, вероятно, все у П. Скороспешнова. В экспроприации патронного завода Шелепин не участвовал, участвовало 6 человек. Яшка Глагзон убит в Москве на даче, Петраков в Москве, «Батька—дядя Ваня», Беляев в Уфе,—ушел с поста. Прохоров взят у Тарасова на квартире и Барановский.

Об анархическом оружии, кроме указаний адресов, ничего не знаю.

В Брянске оружие и взрывчатых веществ очень много на хуторе.

Четвертая беседа 25-XI-19 г.

Пулемет должен быть обязательно у Спасских, адрес могу показать. Необходимо взять угрозой мальчика или старика, сказав, что Николька Спасский указал, что пулемет есть.

У Зайкова бомбы должны быть, несмотря на его выход из Федерации.

Об оружии, вывезенном из дома Черемушкина, ничего не знаю, кроме того, что в это время оружие конспиративно держалось, при чем ответственным был Беляев.

Экс патронного завода были два анархиста: Глагзон и Барановский, а остальные закоренелые максим. (Батька дядя Ваня, Петраков, Прохоров, Беляев ушел с поста).

Из Москвы для работы в Туле были посланы анархисты боевики, кроме меня, после провала на Арбате 1-го ноября, Глагзон (убит), Соболев, Подобедова не знаю, может быть узнаю по лицу или имени-прозвищу.

В эксе Губсоюза участвовали: Соболев, Гречанников, Яшка Глагзон и «Петька» и л. с.-р., один кто, не знаю, или Костромин или Сидоров по-моему.

Пятая беседа 26-XI-19 г.

Тульская организация максималистов получила с экса патронного завода 400.000 руб., через Беляева он знает, кто получил.

Сообщу еще: при эксе артельщик Рабочкопа на Старо-Павшинской ул. принимали участие: 1) Розанов, 2) Леменев, 3) Федька, Л. С.-Р., 4) Семиколенный Л. С.-Р. тоже С.-Р.

Из них 30.000 руб. Фроська свезла немедленно в Москву, в Ц. К. Л. С.-Р., инициатива экса исходила от П. Антонова и Кузнецова, который только и был агентом Антонова. За это они получили 10.000 руб. Всего было взято 100.000 руб.

Грабежи в последнее время одного характера с пытками были совершены Барановским, Яшкой Глагзоном, Леменевым, Курбатовым. Во время экса на патронном заводе в Туле оружие было взято, у максимал.—бомбы.

Предположительно остались после ликвидации анархистов подполья в Москве: 1) Володя (фамилии не знаю, вероятно, из Москвы уехал), он приехал из Брянска, получил деньги из организации и оставил организацию в Глухове, он высокого роста, толстый, черный, бритый, лет 27-28, одет в бекеш, серый воротник, техническая фуражка, звали его «старший анархист»; 2) Яша Глагзон, казначей организации, один из главарей, второй после Соболева, если не погиб на даче, то, вероятно, уехал к Махно за новыми силами; 3) Марков, из союза молодежи, уехал в Брянск ставить организацию; 4) Сундуков, который был взят у Тарасова, максималист, входил в организацию анархистов подполья, хороший организатор, организовал здесь боевую дружину максималистов человек в 50, состав дружины разношерстный, в большинстве дезертиры, собирались ехать на Украину для партизанской борьбы. Участвовали на эксах, напр., в Туле на Патронном заводе (там были Яшка Глагзон, Барановский (анархист), Прохоров (сидит сейчас в М.Ч.К. под фамилией Евстифеева (Батька) фамилии не знаю), Петраков (максималист), Беляев (анархист, ушел с поста). Тульская организация максималистов получила от этого ограбления 400.000 руб., остальные деньги разделили анархисты и максималисты, приехавшие из центра. Про сидящих в М.Ч.К. максималистов (кроме Евстифеева-Прохорова) могу сказать следующее: 1) Тарасов организационной связи с ан.-подп. не имел, но знал про организацию, оказывал мелкие услуги, напр., давал квартиры и пр., 2) Романенко состоит в боевой дружине максималистов, дезертир. Максималисты вообще в каждом городе, кроме легальной, ставят нелегальную организацию.

1. Миша Гречаник—из штаба Махно, боевик, в Москву приехал в июне-июле 1919 г., участник почти всех эксов, руководил ими, участник взрыва в Леонтьевском пер., роль его при этом заключалась в том, что он ходил и охранял.

2. Сашка Барановский (он же Попов) приехал приблизительно в августе втроем, с двумя анархистами от Махно, в Тулу, связался там с Яшкой Глагзоном, с которым были знакомы раньше. В Туле он руководил рядом ограблений, при чем применялись пытки, поджигали различные части тела жертв и пр. Вместе с ним участвовали Яшка Глагзон, Дмитрий Леменев (родом из Сердобска, Саратовской губ.), Виктор Курбатов. В Москве я внес протест против таких ограблений, назвав их бандитскими. За это меня организация судила, но в виду того, что я много знал и мы, по их мнению, еще пригодимся, мне ничего не сделали. Затем он участвовал на эксе на Патронном заводе (руководил им). Вместе с Соболевым они бросали бомбу на Леонтьевском пер. Бомба была начинена динамитом и нитроглицерином, оболочка деревянная, не круглая, как бы футляр дамской шляпы, весила 1 пуд—1 пуд 15 фунт. Вероятно, покушение было произведено по инициативе л. с.-р. Черепанова (кличка «Черепок», который сам участвовал во взрыве).

3. Ценципер руководил ограблением в Иваново-Вознесенске, вместе с ним были двое местных. Взято было больше 1.000.000 руб.

4. Шестеркин работал, главным образом, в Брянске, участвовал в ограблении «Союза Кооперативов» в Туле.

5. Братья Тямины Афанасий и Михаил работали по распространению литературы, по связи. Михаил был более активен, одно время заведывал паспортным бюро.

6. Николаев (Федька)—левый с.-р., не отколовшийся от центра, работавший с Черепановым и одновременно состоявший в организации анархистов подполья.

Участвовал во взрыве на Леонтьевском пер. Участник эксов в Туле в Рабочем Кооперативе, там же артельщика на 100,000 руб. Знает безусловно весь ЦК л. с.-р., Черепанова, Тамару и др. Участвовал на эксе в Питере вместе с Семиколенным, где был убит Сандуров.

Наводчиком на ограбление в «Технопомощи» был двоюродный брат Гриша, который служил там (Шувал). Он хотел дать еще какое-то место для ограбления. 28 ноября 1919 г.

А. Розанов.

Шестая беседа 29-X-19 г.

Оболочкой для бомбы, которой был взорван Московский Комитет Р. К. П., послужила валявшаяся, оставленная кем-то, у меня на квартире деревянная (из фонаря) коробка. Нитроглицерин и динамит, которыми впоследствии была начинена эта коробка, как-то за день, за два принес ко мне Васька Азаров в свертке и, не предупреждая, что в нем завернуто, бросил под кровать. Затем в 6 часов вечера в день взрыва он пришел вместе с Петром Соболевым, попросил удалиться всех из комнаты и в это время, по моему мнению, ими была начинена бомба. Оставались они одни в комнате минут пятнадцать. Затем они ушли. Через полтора часа пришел Соболев и забрал ко-

робку. Через час после этого пришла наша жиличка и сказала, что где-то недалеко бросили бомбу с аэроплана. Только после этого я понял, что где-то нашими брошена бомба. На другой день я узнал, что был взорван Московский Комитет. До этого дня я не знал совершенно о готовящемся взрыве.

Главой организации анархистов подполья, Петром Соболевым, обладавшим диктаторскими полномочиями, предполагалось организовать взрыв Кремля. Для этой цели, как он полагал, необходимо пудов 60 пироксилину. Все усилия прилагались к тому, чтобы достать это количество. Пироксилин дважды привозил специально ездивший за ним в Брянск Васька Азаров. Привозил по подложным документам в отдельном вагоне. Во второй раз вагон в дороге охраняли два местных брянских анархиста под видом красноармейцев, Васька Азаров был за командира. Этот вагон долго плутал в окрестностях Москвы. Сколько было привезено в нем пироксилина и где выгружали его, я не знаю. Знаю только, что 4—5 ящиков было привезено в Одинцово. По моим предположениям В. Азаров еще раз после взрыва ездил за взрывчатыми веществами в Нижний-Новгород. Петр Соболев имел с кем-то связь в Кремле и В.Ч.К.

После приезда Петра в Москву в Сокольниках состоялось собрание, на котором решено было ставить организации в провинции. Для этой цели были посланы: Яша Краснокутский на Урал и в Сибирь, Саша Шапиро и Марк в Уфу, Курбатов в Самару, Марков в Брянск.

Розанов.

Седьмая беседа 12-I-1920 г.

Когда я в ночь 28-го ноября был приведен в камеру при тюремном отделе М.Ч.К., я встретил Тарасова (максималиста), который просил дать такие о нем показания: «что он, Тарасов, знаком с моей женой, меня же не знает. Я его знаю якобы только потому, что обращался к нему с просьбой о предоставлении мне мебели. Обращался я к нему якобы только, как к официальному лицу, заведующему мебельной секцией Городского Района. Познакомился он с моей женой якобы таким образом: зная ее бедственное материальное положение, он принес ей хлеба, с того и началось знакомство. На самом деле я познакомился с ним так: когда приехал в Москву, то обратился к Сундукову за содействием достать мне квартиру, он меня познакомил с Тарасовым и тот мне дал квартиру в доме Бахрушина, а затем он иногда захаживал ко мне. Найденные у него листы бумаги с печатью В.Ч.К. я ему на хранение не передавал и не знаю, где он их взял. Думаю, что это их работа.

Барановский (Попов) в той же камере расспрашивал меня о моем допросе и когда я сказал ему, что на допросе показал, что познакомился с ним в Туле, он очень досадовал и просил меня на следующем допросе показать, что о знакомстве в Туле я показал ошибочно, и что на самом деле я познакомился с ним якобы в Москве.

А. Розанов.

Аня Халдина.

Весь совет Тульской организации знал о деньгах, полученных максималистами с эксо-патронного завода. Тульская организация максималистов получила 400 тысяч. Мих. Титов, Рыбаков, Федоров, Субботин знали определенно, вероятно, знал и Бак. Ваня Шелепин должен был доставить оружие, кроме него оружие хранилось у Чекалина и у Петра Скоропоспешнева. Оружие все новое—наганы, бомбы и винтовки. На дело патронного завода оружие брали у максималистов. В бытность мою комиссаром в Белеве я отослал в Тулу, по требованию Сундукова, бывшего тогда военным комиссаром губернии, вагон винтовок и вагон бомб разного образца. Винтовки были все сданы в склад, а бомбы разошлись по рукам между анархистами, левыми эсерами и максималистами. Небольшая часть их и до сих пор хранится у Николая Зайкова (штук 100).

Катя, служившая в В.Ч.К., ходила к Павлову. Она дала мне револьвер Вельдок через Бармаш. Бармаш же передавала мне адрес, где находится общежитие человек десяти секретных сотрудников В.Ч.К. и М.Ч.К. Сама Катя этот адрес сообщила Соболеву. Познакомилась она с Соболевым, вероятно, через посредство Бармаш. Бармаш прекрасно знала всю организацию подпольников и всю ее работу, даже о взрыве, и давно могла бы разоблачить ее. Сейчас она в Кременчуге у мужа. Хая Сокольская очень хорошо знает Катю и Бермаш и ночевала у них в общежитии, когда приезжала с дачи.

Розанов.

Протокол

очной ставки гр—н Рахил Энфельбаум она, же Анна Соколовская, и Александра Барановского, он же Попов Александр Николаевич.

Анна Соколовская показывает: я утверждаю, что в пред'явленном мне гр—не я узнаю лежащего больным на даче в Краскове, где была типография анархистов подполья приблизительно недели три—четыре тому назад.

Александр Николаевич Барановский, он же Попов Александр.

Я не признаюсь в том, что я лежал больным в Краскове и вообще не был там никогда.

Все вышеуказанное нам прочитано 11—XI—19 г.

Александр Николаевич Попов, Барановский.

Давая показание, как указано выше, я ошиблась и сейчас показываю, что предъявленное лицо Ал. Барановского не то виденное мною в Краскове, а также то, что в Краскове на даче анархистов никто не лежал больным.

Соколовская.

Подтверждаю, что лживое мое показание верно и я отрицала на очной ставке только из-за моей слабости; сейчас вторично утверждаю, что пред'явленный мною Александр Барановский есть то самое лицо, которое лежало больным на даче в Краскове.

Анна Соколовская.

11—XI—19 г. 10—XI—19 г.

Протокол

очной ставки Хлебныйского «Дяди Вани», он же Приходько, и Александра Николаевича Барановского.

Хлебныйский «Дядя Ваня» в пред'явленном мне человеке я узнаю моего знакомого анархиста (к какой группе принадлежит, не знаю) Александра Барановского, которого я знал как Шурку Барановского, о том, что последний был болен тифом здесь, в Москве, я узнал от Миши Гречаникова. В Москве я Барановского (Шурку) не встречал.

Л. Хлебныйский.

Попов Александр Николаевич, он же Барановский Александр Николаевич. Признаюсь сейчас, что я и есть Барановский Александр Николаевич, знаю «Дядю Ваню» (фамилию его я не знаю), отрицаю в дальнейшем знакомстве с Мишей Гречаниковым и др. Я не анархист и никогда анархистом не был.

Александр Николаевич Попов, Барановский.

Протокол

очной ставки гр—на Ефимовича Исаева и гр—на Александра Николаевича Попова, он же Барановский.

П. Е. Исаев показывает:

Пред'явленного мне гр—на Александра Барановского я знаю как Шурку, впервые я встретил его на даче в Краскове, где печаталась газета «Анархия» анархистов подполья, был он тогда больным и лежал в кровати; какой болезнью он был болен, я не знаю, я с ним не разговаривал потому, что последний был очень болен.

Барановский, он же Попов Александр, показывает: На вопрос, был ли Барановский на даче в Краскове, отвечает, что об этом ничего не хочет говорить.

Все указанное выше там прочитано:

А. Н. Попов, Барановский.

Показания Александра Николаевича Попова (Барановского).

I.

Взрыв на Леонтьевском пер. был произведен анархистами подполья. В нем участвовали 5 человек: я, Петр Соболев (он бросал бомбу), Миша Гречаников, Федя Николаев и один, который убит на даче, в Краскове, фамилии его я не назову. Взрыв был произведен по инициативе Петра Соболева, который слыхал от одного видного коммуниста, как он говорил, *что на заседании Мос. К—та будет обсуждаться вопрос об эвакуации и сдаче Москвы*, и он думал, что мы должны и сможем помешать этому. Он пришел ко мне в Дегтярный пер., где я лежал больной тифом (только что

заболел), я был возмущен тем, что он мне рассказал о сдаче Москвы. Тогда же он предложил мне взорвать это заседание и я согласился. Мы вместе пошли за бомбой на Арбат, дом № 30, кв. 58, где она хранилась. Взяв ее, мы пошли в Чернышевский пер., где нас дожидались уже другие участники взрыва. Я перелез через ограду в Чернышевском переулке. Соболев передал мне бомбу на ограду. Я бомбу положил на землю внутри ограды, затем влез опять на ограду и помог Соболеву перелесть в свою очередь. Затем мы вместе с ним подошли к дому; Петр попробовал, удобно ли взлесть по лестнице на балкончик; взлезая туда, осмотрел место, потом слез. Вместе с ним мы подошли к лежащей у ограды бомбе, он зажег шнуровую зажигалку, обыкновенно употребляемую для раскуривания, положил ее в карман, бомбу взял подмышку и взлез опять на балкончик, зажег зажигалкой бикфордов шнур бомбы и бросил ее в окно. Я подождал, когда он спустится с балкончика, затем взлез на ограду и, обернувшись назад, увидел, что Петр запутался в ветках и упал. Я перескочил тогда через ограду, через некоторое время на ограде появился Петр и в это время раздался взрыв, которым Петр был сброшен на землю. Он поднялся и мы с ним пошли в сторону Тверской ул. Оттуда пошли на квартиру в Дегтярный пер. На Тверской ул. уже я почувствовал себя скверно, впал в полуобморочное состояние и Петр под руку вел меня всю дорогу до дома. Бомба была начинена динамитом и пироксилином, весила фунтов 30, оболочкой служила деревянная или металлическая коробка, плотно завязанная бечевкой. Я принял участие в организации взрыва только потому, что думал, на основании слов Петра, что большевики собираются сдать Москву Деникину и бежать из Москвы. Только на даче после болезни я стал сомневаться в том, что в это время начались успехи на фронте и я увидел, что большевики не собираются сдавать Москвы. Я часто спорил с Петром на эту тему, но тот, допуская, что мы ошиблись относительно тактики большевиков в момент взрыва, все же твердо верил в необходимость террористической борьбы с большевиками. В настоящее время я твердо убежден в том, что взрыв был нашей ошибкой, что он был произведен преждевременно. Возможно, что в дальнейшем, после разгрома Деникина, было бы достигнуто соглашение между Махно и большевиками и необходимость террористической борьбы против большевиков с нашей стороны вообще отпала бы. В октябрьскую годовщину не было решения устроить покушения, были лишь одни разговоры об этом и неизвестно еще, кто провел бы свою линию—противники террора сейчас или его сторонники. Взрывчатые материалы свозились в Москву для устройства базы на тот случай, если бы большевики опять стали применять свою прежнюю тактику по отношению к Махно и повстанцам.

А. Н. Барановский. Попов.

II.

В Москву я приехал с помощником начальника штаба 1-й Крымской стрелковой дивизии Красовским и еще одним красноармейцем, по имени Виктор, фамилии которого не знаю. Это было больше месяца тому назад. В день приезда меня, заболевшего еще в дороге, товарищ Красовский свез в лазарет, не помню какой, где я пробыл по день ареста. Я был болен сыпным тифом. По выписке из лазарета я пришел к Нестеренко, к которому я еще до войны возил письма от его брата из Александрова. Тогда до войны я ездил в Москву для того, чтобы купить материал на костюм для себя и 10 своих товарищей. Жил Нестеренко по какой-то главной улице в Москве и я отыскал эту улицу, которая оказалась Тверской, пошел искать старого знакомого. В какой дом я зашел—я не знаю. Ища Нестеренко, я зашел в одну из квартир, где и был арестован; что эта за квартира и кто в ней жил, я не знаю. Не знаю также причин моего ареста. При обыске у меня отобрано было 4.500 рублей, привезенных мною еще с фронта. Фамилия моя настоящая Барановский, Александр Николаевич, а Поповым Александром Николаевичем я назвал себя при вступлении в красную армию. Документов у меня никаких не было, у меня и красноармейца Виктора был общий документ на двоих. Как я был записан и по какому документу, не знаю, но полагаю, что именно по этому документу; по выходе из лазарета я никаких документов оттуда не получил. В каком лазарете я лежал и на какой улице лазарет находился, я не знаю. Фамилии Восходов, Хлебныйского, Приходько, Домбровский, Шестернин, Гречаников, Ковалевич, Розанов я никогда не слыхал и лиц с такими фамилиями не знаю.

Александр Н. Попов.
Александр Н. Барановский.

Дополнительно показываю, что я слесарь по профессии и служил в городе Александровске в Южно-ж. д. мастерских, в гор. Одессе у Генриха Гефмюса, в гор. Бердянске у Новикова, в общем прослужил года четыре, получая от 80 коп. в день до двух руб. в день, все это было до 1914 г. После этого срока я уже не работал по своей профессии, а служил в старой армии и сейчас во время Советской власти служил красноармейцем в отряде Мокроусова в гор. Бердянске и на фронте (отр. Мокроусова—красный Партизанский отряд). Будучи уже на службе в партизанском отряде, я получал в месяц от ста до двухсот пятидесяти рублей, в Азовско-Донском банке в гор. Бердянске у меня было шесть тысяч рублей, накопленных от службы, как вольной, так и рабочей, которые я взял в июне месяце с. г., никаких денег ни от кого я от этого времени не получал, так что найденные при мне деньги в сумме четырех тысяч пятьсот рублей происходят из денег, взятых мною из банка, как указано выше в июне с. г.

Пред'явленный мне документ на имя Александра Николаевича Барановского, выданный Бердянским уездным воинским начальником, я признаю своим.

Александр Николаевич Попов, Барановский.

III.

Я до сих пор неправильно показывал, потому что испугался, сейчас хочу говорить всю правду: в Москву я попал проездом из Рамадана в Ташкент, куда я был откомандирован 1-м Крымским Советским дивизионом, где я служил сотрудником; ехал я вместе с тов. Красовским, помощником начальника штаба дивизии, но в Москве случайно, на Сухаревке, я встретился с тов. Виктором, которого я знаю еще из Бердянска (там он занимался формировкой военных частей) и который мне советовал уехать обратно на родину в гор. Бердянск и обещал меня познакомить с группой анархистов, которые мне должны дать документы и помогут пробраться на Украину. Было это так в половине сентября, в день встречи с тов. Виктором (фамилии его не знаю), он меня завел на Арбат, дом № 30, кв., кажется, 58, где уже был Петр Соболев, с которым меня Виктор познакомил, до этого я Соболева никогда не видел и не слышал о нем; Виктор, когда меня представил, объяснил Соболеву, что я желаю уехать на Украину; последний обещал меня взять с собою, за что я поблагодарил и тут же остался жить; прожил два дня, а затем мне дали комнату на Дегтярном пер., дом 8, кв. № не помню, 2-й этаж; здесь я прожил около двух недель; в течение этого времени ко мне приходил Соболев и часто меня агитировал, убеждал стать членом группы анархистов подполья; о том, что это была подпольная группа, я узнал лишь из газеты «Анархист», которую мне дала читать Мина. Я жил на одной квартире с Яшей Глагзон и Мишей Гречаниковым, которые ничего никогда против советов и советской власти не говорили при мне. 1 $^1/_2$ месяца тому назад Яша Глагзон мне сказал, что у него есть знакомый, который приехал из Киева, заболел тифом и лежит в лазарете, фамилия его Восходов; затем просил меня пойти с ним в лазарет, там я познакомился с указанным выше Восходовым, мне было жаль последнего и затем я стал ходить к нему, ухаживать за ним (какой это лазарет, я не знаю, но могу указать его), после чего и я заболел тифом, заразившись от Восходова. Я пролежал около четырех дней на Дегтярном и меня увезли в лазарет, но в какой—я не знаю, так как я был в тяжком состоянии, а увезли меня оттуда на дачу в Красково, где была типография анархистов подполья, тоже в тяжелом состоянии, меня преждевременно увезли из больницы потому, что мне было очень скучно и я просил об этом Мишу Гречаникова. На дачу приходили: Миша Гречаников, Яша Глагзон, Петр Соболев, Казимир Ковалевич, Митя, Вася, Таня, Мина, Соколовская, Хиля Цинципер, Исаев Паша, и Кривой Митя и Хиля ночевал от времени до времени; много я знать не мог об их делах, так как я был новым человеком и больным и предо мною скрывали свои дела. Печатали газету «Анархист» Кривой Митя и, может-быть, Исаев Паша, но наверное не знаю. Делались ли бомбы на даче, я не знаю. В день, когда окружили нашу дачу, я как раз вышел из дому по надобности, и когда направлялись к нашему дому, я сбежал в лес и оттуда в гор. Москву, хотел зайти на квартиру Розанова, которого я встречал на Арбате и раз даже был у последнего

с Яшей на его квартире, Тверская, 36 или 38, но тут был арестован засадой М. Ч. К. Должен добавить, что на дачу в Краскове ходил и Розанов; каким образом у меня очутился адрес Петра Тарасова, не знаю, но должен сказать, что я сам его написал, но может быть припомню и тогда скажу, последнего я не знаю. Дядю Ваню я знаю, как уже говорил. Анархистом себя я не считаю.

Александр Николаевич Попов, Барановский.

IV.

В экспроприации артельщиков с Петроградского завода в Туле участие я принимал. Экспроприация была произведена по предложению максималистов, которые для проведения экспроприации самостоятельно своими силами в достаточном количестве не обладали. В экспроприации участвовали еще Яша Глагзон, Евстифеев (Прохоров), других участников я не назову, также не расскажу, как была поделена между анархистами и максималистами экспроприированная сумма денег. Укажу только, что взято было 3 милл. 700 с чем-то тысяч рублей. Во время экспроприации, как я слышал потом, был убит кучер. Он был убит, вероятно, Евстифеевым (Прохоровым) в то время, как он пытался вытащить наган. На первую коляску с деньгами произвели нападение трое из нас. Я же был у второй коляски, поэтому подробностей происходящего у первой не видал. Артельщик и красноармеец со второй коляски убежали в самом начале. Я, думая, что там денег нет, ушел пешком, товарищи же поехали с деньгами на первой коляске. Тогда кучер второй коляски погнал лошадь, обогнал первую и стал стрелять. Больше показать ничего не имею.

А. Н. Барановский. Попов.

Показания Павла Ефимовича Исаева.

В Москву я приехал из Вятки в командировку по закупкам типографских материалов. Здесь, в конце июня, несколько дней спустя по приезде, я был арестован на съезде анархической молодежи и просидел в Бутырках месяц и несколько дней. В начале августа я был освобожден из тюрьмы и жил в Москве все время без прописки. Ночь с 3-го на 4-е ноября я ночевал в Зацепском переулке у анархиста Турчанинова, он же Лев Черный. Миши Гречаникова я не знаю. Дядю Ваню, Приходько, Хлебныйского, Ратникова, Ратникову не знаю. Сапоги я купил 4-го сего ноября на Сухаревке за шесть тысяч руб. При моем аресте отобрана одна тысяча рублей. В Москву в июне м—це я привез своих сбережений из Вятки десять тысяч рублей. Жалование в Вятке я получал одну тысячу двести рублей в месяц. В типографии в Вятке я работаю с 10 января. В Перми я был мобилизован в августе 1918 года и до конца ноября был в полку. С конца ноября стал работать в типографии, получал около семисот рублей в месяц до фе-

Тов. Сафонов.

враля 1919 года. В Москве по освобождении из тюрьмы я работал в типографии Атабекяна по Мытной улице.

П. Исаев.

Обнаруженное у меня при обыске проходное свидетельство и свидетельство о болезни на имя Павла Ивановича Жигулева я нашел на лестнице перед дверью Турчанинова (Льва Черного) в день ареста; обнаруженный у меня револьвер системы Наган я хранил без разрешения. У меня было 35 патронов.

П. Исаев.

Павел Васильевич Полетаев—мой товарищ по службе в типографии Политотдела 3 армии и полагаю, что сейчас должен находиться в Вятке.

П. Исаев.

С анархистами подполья я начал работать с половины октября и с этих пор я стал жить в Краскове. Откуда брали бумагу для печатания, я не знаю. Привозил ее Митя, он же и увозил напечатанное. При мне на даче было 3 револьвера, 6 бомб и за полторы недели до моего ареста привез Митя два солдатских вещевых мешка со взрывчатыми веществами. Бомбы делал Захар. Мною напечатано было 2000 экземпляров газеты «Анархия», № 2.

П. Исаев.

Показания Михаила Львовича Гречаникова.

В Москву я прибыл приблизительно в середине сентября с Украины, с фронта, где был у Махно. В Москве я узнал, что мой товарищ по Царицинскому фронту Александр Восходов заболел тифом и помещен в лазарет. Я его навестил и, зная, что у него нет средств, решил помочь ему материально, через Казимира, от которого я получил записку к квартирохозяйке Татьяне Никитишне Кореневой, я устроил там на Арбате, в доме № 30, кв. 58, Восходова. Потом я устроил его на квартире по Большой Александровской ул., в доме № 22, вместе с Шестеркиным. В первых числах октября я съездил в Нижний-Новгород навестить Петра Шесторина и вместе с ним приехал в Москву. Шесторин, не числившийся до этого членом организации подполья, должен был ехать на Украину. За квартиру и содержание Шестеркина и Восходова платил я из средств организации. Около 9 октября я ездил в Иваново-Вознесенск и около 20 октября в Тулу. Последнюю поездку в Тулу я совершил вместе с Шесторкиным. Бомба 25 сентября с. г., брошенная в помещение Моск. Ком. Ком. партии, была брошена одним из моих товарищей анархистов. Я сам принимал участие в этом акте и стоял на посту в одном из переулков. Бомба была весом около $1^1/_2$ пуда. Оболочка ее была деревянная; это была коробка из дерева, в которой носят вещи. Бомба эта, как акт протеста, была брошена по соглашению с «Всероссийской Организацией Анархистов Подполья». Начинена была бомба пироксилином и динамитом. В 46-ой Стрелковой дивизии я никогда не служил ни под своей ни

под чужой фамилией. Наша организация и я лично произвели экспроприацию в Москве на Дмитровке Большой в Кооперативе, где был убит во время перестрелки один из членов Организации М. Гречаников.

Показания Николая Николаевича Николаева.

I.

Мое имя на самом деле не Николай, а Федор. Во взрыве на Леонтьевском пер. участвовали шесть человек—я, Петр Соболев, Барановский, Миша Гречаников, Яша Глагзон и Черепанов. Черепанов указал место, откуда можно было бросить бомбу. За ограду входили двое, Петр Соболев (он же бросил бомбу) и Барановский, а мы трое были на страже. Черепанов же ушел. К октябрьским торжествам готовилось тоже что-то, но что именно, не знаю. Для этого мы вчетвером, я, Петр Соболев, Розанов и Вася Азаров, ездили в Одинцово на дачу Одинцова, где хранились привезенные откуда-то Васей четыре ящика пироксилина и оттуда перевезли пироксилин в Москву, а затем он был перевезен на дачу в Красково. В Петербурге, в апреле мы с Семиколенным и Сандуровым устроили экс, на котором Сандуров был убит.

В настоящее время партия левых эсеров делится на три группы—правое крыло (Штейнберг и др.), центр, который возглавляется М. Спиридоновой и Камковым, левое крыло—к нему принадлежит Московская организация во главе с Тамарой, Крушинским и пр. Черепанов принадлежит к левому крылу до исключения из партии. В действительности Московская организация представляет из себя пустое место. Я в последнее время почти совершенно отошел от партии, заблудившейся в трех соснах, тщетно искал выхода и не шел к большевикам только потому, что боялся, что не поверят моей искренности. Сейчас будучи на свободе, я отдал бы себя всецело делу революции и думаю принес бы не малую пользу хотя бы на фронте.

О готовящемся взрыве я узнал в тот же день в 6 час. веч., накануне мне назначили свидание на 6 час. в день взрыва у Покровских казарм, туда явились участники взрыва и там мне сказали, что сегодня заседание в Моск. Ком. Р. К. П. ответственных работников и решено произвести взрыв. Черепанова мы встретили в Чернышевском пер., перед взрывом туда же Петр принес откуда-то бомбу. Его на пред'явленной карточке убитого не признаю.

Федор Николаев.

II.

Приблизительно в июне, когда в партии остро ощущался недостаток в деньгах, в Ц. К. приехал Илья Судаков из Тулы и предложил организовать у них экспроприацию Рабочкопа. Тогда Ц. К. были делегированы из Москвы шесть членов организации для этой цели: я, Сомов, Семиколенный, Иванов, Фрося и Таня. По приезде в Тулу мы направились к Чеботареву, где и был выработан план экспропри-

ации. В экспроприации приняли участие три анархиста Розанов, Леменев и Карасев, которые принимали участие и в разработке плана экспроприации в кв. Чеботарева. Из местных левых с.-р. участие в экспроприации принимали Костромин, Василий (фамилии не помню), Николай (фамилии не помню). Таня в экспроприации участия не принимала. Наводчиком на экспроприацию был Перфирий Антонов, член Правления Рабочкопа.

Взято было 1.075.000 руб., деньги были пропорционально количеству участников разделены между анархистами и лев. эсерами. Тульской организации левых эсеров была выделена сумма в 50.000 руб.

Остальные деньги нами были отданы в Ц. К. За то, что мы самовольно оставили для Тульской организации 50.000 руб. Ц. К. об'явил нам строгий выговор и в Тулу для расследования была послана комиссия в составе Тамары, Шумайлович и еще кто-то. Кажется, за это чл. об. Ком. партии Чебатарев и председатель губ. Ком. Костромин были исключены из организации.

Федор Николаев.

III.

В Москву я приехал в мае месяце из Петрограда. Остановился сначала на Пречистенке, 40, а затем поселился в Тестановском поселке, д. 124, кв. 13, жил там под фамилией Федора Батенина, звали меня в партии «Федя». В боевой организации партии лев. с.-р. я не состоял.

Об оружии, которое хранилось в сарае моей квартиры в Тестановском поселке, я ничего не знал. В партии лев. с.-р. состою со времени раскола. В настоящее время принадлежу к группе Штейнберга. С Черепановым и Тамарой никаких сношений не имел. Арестован я в 1-м Троицком пер., д. 5, кв. 2, куда зашел к своей знакомой Шуре Ратниковой. На этой квартире я был всего раза три. С другими жильцами я знаком не был.

4/XI 19 г.

Николай Николаев.

IV.

Дополнительно показываю, что пред'явленного мне мужчину (пред'явлен Леонид Хлебныйский, он же Прихотько, он же «Дядя Ваня») узнаю жильца квартиры Ратниковых, с которыми я познакомился у них в квартире и которого впоследствии стал посещать. Знал я его под именем Ваня; знал также и проживающую вместе с ним Шуру. Был я у них 3—4 раза. Где я ночевал последние перед арестом дни, сказать отказываюсь. К взрыву в Леонтьевском переулке я отношусь отрицательно и так же точно относился бы к нему, если бы это сделали левые с.-р. Примкнул я к Штейнберговской группе после 6-го совета партии, т.-е. с половины сентября, что полагаю может подтвердить Штейнберг.

Николай Николаев.

V.

С последнего времени, т.-е. до ареста, пришлось мне проживать на нелегальном положении, потому что, хотя по убеждениям примкнул к группе Штейнберга, но не успел этого оформить, жил я все время на средства партии. Тестовский поселок я оставил во время его ликвидации, приблизительно $2^1/_2$ недели тому назад.

Николай Николаев.

Показания Леонтия Васильевича Хлебныйского.

В Москву прибыл приблизительно в сентябре месяце этого года для поступления в бригаду, которой командовал мой товарищ Жлобинский, которого я знал еще с 1917 года, а то, что Жлобинский командовал бригадой и его местонахождение я узнал от раненых солдат его отряда, были там «Петька Шоффер» (фамилии его не знаю) и «Андрей»; сведения эти я получил на вокзале в гор. Брянске, где я был проездом. В Брянске я пробыл на вокзале одни сутки; прибыл туда из 46-ой дивизии, где я служил 2 недели при оперативном штабе, где исполнял функции помощника начальника штаба. Из найденных ста тридцати тысяч рублей в моей комнате, в которой живет и Домбровский, признаю своими только тридцать три тысячи рублей. На вопрос, откуда у меня такие деньги, отвечаю: около четырех месяцев тому назад я получил семьдесят тысяч рублей от моего товарища Коробка, анархиста, будучи в гор. Киеве; в Москву я прибыл для отправки меня на Царицынский фронт, где у меня были знакомые в бригаде Жлобинского. На вопрос, на каком основании анархист Коробка дал мне такую большую сумму денег, отвечаю: у Коробка были деньги и он мне их дал. Откуда у последнего были такие суммы. я не знал, чем занимался—я не знаю, но я слыхал, что он отправлялся на Украину формировать какие-то отряды в тыл Деникину. Где находится сейчас Коробка—я не знаю. В гор. Москве я получил от Александра Попова раз 10.000 р., второй раз 5.000 руб., затем еще около 1.000 рублей,—деньги эти я от него получил потому, что сказал, что уезжаю; на вопрос, почему я просил у Попова денег, несмотря на то, что у меня были средства для поездки, отвечаю: взял я их для запаса, дабы себя обеспечить на более продолжительное время. Не отрицаю знакомства с анархистами подполья, фамилии их: Гречаников, Тямин Михаил, Попов и др., еще Федя; мой псевдоним «Дядя Ваня», подложные документы на мое имя, паспортный бланк я получил от Гречаникова. Домбровский должен был со мной вместе уехать. Я и Домбровский официально не принадлежали к подпольной группе анархистов, но фактически да, я признаюсь, что я старый анархист. Я признаюсь также в том, что я не был никогда большевиком коммунистом, вначале я показывал иначе, потому что не знал еще, что меня обвиняют в принадлежности к группе анархистов подполья. На экспроприациях я бывал на Украине, принимая активное участие,

но в Москве не бывал. Участие во взрыве принимали: Миша Гречаников, Федя и Яша, последний жил на одной квартире с Мишей Гречаниковым. Приметы Яши: высокого роста, светлый блондин, иногда носит шинель. 1 сентября 1919 года я был арестован в гор. Брянске, а также и Миша Тямин за вооруженное выступление против Советской власти, тогда же было пред'явлено нами требование об освобождении анархиста Бодрова. Должен изменить свое показание относительно тов. Коробка. Коробка был уполномоченным Украинск. В. Ц. И. К. и командирован последним для формирования отрядов. Деньги у него были от эксов, по моему предположению. Моя настоящая фамилия Приходько Иван Лукьянович.

Иван Лукьянович Приходько.

Леонтий Васильевич Хлебныйский.

Дополнительно показываю, что Восходов Александр лежал в лазарете под этой фамилией. До болезни я знал его по фамилии Александра Попова. Это Попов—Восходов приносил мне несколько раз деньги суммами по 5 и 10 тысяч рублей. Раз я был у Восходова на квартире и там Миша Гречаников дал деньги. Дал мне 25 тысяч. У Восходова—Попова был Федя Шестеркин, которого я знаю еще из Харькова. Полагаю, что раз Шестеркин жил с Восходовым—Поповым, то был, вероятно, членом организации Подполья. Я знал 2-х Тяминых. Обоих еще по Харькову, где встречался с ними в Набаше. Тямин в технической фуражке заходил как-то ко мне в Москве, предлагая распространение листовок, от чего я отказался. Членом организации подполья я не состоял. Деньги мне давали потому, что я в Москве лечился и собирался уехать лечиться на Минеральные Воды.

Хлебныйский.

В пред'явленном мне мужчине (пред'явлен Николай Николаевич Николаев) узнаю Федю, который несколько раз бывал у меня на квартире. Как мне известно со слов Миши Гречаникова, этот Федя принимал участие во взрыве 25 сентября сего года на Леонтьевском переулке в М. К. Р. К. П.

Хлебныйский.

Я помню случай, что был в театре, в Студии, вместе с Ратниковыми, Домбровским, Голубовским и женой Лемберга. У меня жал сапог ногу и я ушел из театра до окончания спектакля вместе с Домбровским. Вскоре после нашего прихода домой вернулись Ратниковы и мы были тогда уже в постели.

Хлебныйский.

На собрания никогда никуда не ходил. Домбровского Александра я знал лишь под этой фамилией. Другой его фамилии я никогда не слыхал. На вопрос о том, знал ли я Барановского, отвечаю, что на Юге знал Шурку Барановского, но здесь в Москве не встречал его.

Хлебныйский.

Когда, возвращаясь из театра, мы вошли в квартиру, то услышали взрыв. Через неделю или полторы недели после взрыва я слышал от Миши Гречаникова о том, что взрыв был делом «анархистов подполья» и участвовали в нем: он сам, Федя и Яша.

Хлебныйский.

Дополнительно показываю, что я принимал участие в экспроприациях: в 1912 году, 1914 г. и в 1917 г. в апреле месяце официально от группы анархистов; для своей личной пользы «эксов» не производил. Отрицаю сейчас, что я получал деньги большими суммами от тов. Коробка, как показал раньше, я получил от него всего 4.000 рублей; здесь в Москве я получил деньги лично от Миши Гречаникова, приблизительно 56.000 рублей.

Хлебныйский.

Дополнительно показываю, что в гор. Туле я никогда не был; бывал я проездом в Туле до 1917 года, а от этого времени не приходилось даже проезжать ст. Тула. В Нижнем-Новгороде я был в этом году (когда именно—не помню) приблизительно полтора месяца тому назад с Мишей Гречаниковым, с последним я поехал в Нижний-Новгород для того, чтобы увидеться там с тов. Шестеркиным, которого я знал еще из Украины; поехал к нему просто повидаться.

Хлебныйский.

Показания Александра Петровича Домбровского.

I.

Приехал в Москву 5-го или 6-го октября, в дороге познакомился с Леонидом Хлебныйским. После отступления Красной армии с Украины я решил ехать в Москву, в надежде найти более или менее подходящую службу. С Хлебныйским я раньше знаком не был. В дороге мы познакомились с сестрой милосердия Ратниковой, которая, на нашу заботу, где бы остановиться в Москве, предложила остановиться у нее. Вместе с нами ехал некто Ефим, фамилии которого не знаю, маленького роста, в военной форме, шатен, с подстриженными усиками, который по дороге с вокзала дал мне бланки 46-й стрелковой дивизии, отчасти с готовым на мое имя текстом, отчасти еще не заполненные, но с печатями бланки. На мой вопрос о том, зачем дает мне эти бланки, Ефим заявил, что они мне пригодятся. Когда Ефим успел напечатать бланки на мое имя—я не знаю. На квартире Ратниковых мы с Хлебныйским стали жить одновременно в день приезда в Москву. Жили мы без прописки, не зная о том, что прописываться необходимо. У меня должно быть было свыше шестнадцати тысяч рублей, из которых две тысячи я получил от Хлебныйского по моей о том просьбе. С Украины я привез с собой около двадцати пяти тысяч; таким образом я за время жительства в Москве израсходовал около одиннадцати тысяч рублей. Ко мне лично на квартиру никто не приходил,

и я ни у кого не был, так как и мне не у кого было бывать. К Хлебныйскому заходили какие-то трое мужчин, имен и фамилий которых не знаю. Я все собирался ехать на фронт, но Хлебныйский удерживал меня, обещая поехать вместе со мною по получении причитающегося ему за несколько месяцев жалованья. Хлебныйский часто уходил из дому, но куда и к кому он ходил—я не знаю. У Хлебныйского я видел много денег, но не интересовался их происхождением. Я чувствую свою вину, что, будучи коммунистом, я, в течение месяца, жил в Москве и не явился для регистрации в партию и к воинским властям и искренно раскаиваюсь в этом своем проступке, но думал его исправить поездкой на фронт.

Александр Петрович Домбровский.

В 46-й стрелковой дивизии я никогда не служил.

Домбровский.

В пред'явленном мне мужчине, изображенном на фотографических карточках (пред'явлены карточки Казимира Ковалевича) узнаю Ефима, давшего мне бланки 46-й стрелковой дивизии. Я коммунист и имею партийный билет Мелитопольского Комитета № 161 настоящий. Надпись на нем о регистрации от 14-го августа с. г. комячейки Штаба 46-й дивизии сделана мною. Почему я сделал эту надпись—об'яснить не могу.

Домбровский.

II.

По дороге из Киева в Москву, приблизительно в окрестностях Бахмача или Конотопа, я познакомился с Хлебныйским. В дороге он дал мне около восемнадцати тысяч рублей разновременно и в Москве еще две тысячи. Хлебныйский говорил мне, что в Москве есть организация из 25-ти или более человек, что у этой организации есть большие деньги и он может меня с нею познакомить. Два или три раза я был с Хлебныйским в каком-то переулке за Красными Воротами, но не помню ни названия переулка, ни № дома, ни фамилии квартирохозяина. Хозяина называли Иван Моисеевич или Матвеевич, но кажется, что Моисеевич. К Хлебныйскому приходил Федя, мужчина лет 26-ти, выше среднего роста, темный блондин или шатен, с бритым продолговатым лицом, одетый в черное пальто летнее, доходящее чуть пониже колен, в серой барашковой шапке. Тот же Федя бывал и у Ивана Моисеевича. Бывал еще у Хлебныйского мужчина лет 30-ти, среднего роста, худощавый, светлорусый, еврейский тип лица, в шинели и фуражке коричневого цвета. Федя был у нас приблизительно пять раз, а второй раза 3—4. Третий приходил еще к нам около 24-х лет, среднего роста, брюнет, бритый, с подстриженными усами, крепкого телосложения, одетый в кожаную куртку, в сапогах. На собраниях у Ивана Моисеевича, кроме Феди, я приметил еще мужчину лет 27-ми с ярко-рыжими волосами, востроносый, производивший впечатление старшего в собрании. Иван Моисеевич состоит, кажется, пред-

седателем Домового Комитета дома, в котором проживает. Надпись на партийном билете об его регистрации сделал мне некий Израиль Фридман, по моей о том просьбе. Этого Фридмана знает Хлебныйский и я отчасти по Крыму.

А. Домбровский.

Признаюсь, что я скрыл, что бланки я получил от Г. Голубовского, потому что не хотел его впутать в грязную историю. Точное количество бланков, полученных мною от Г. Голубовского, я не помню, но кажется, что было их около десяти, все эти бланки были с печатью 46-ой дивизии, кроме этого он назвал фамилии, нужные для подписи, также дал мандат, заполненный уже для образца. Голубовский мне бланки, собственно говоря, не продал, но одолжил у меня около пяти тысяч рублей. Часть бланков я получал от Г. Голубовского в дороге, когда с ним ехал в вагоне, а часть получил здесь, в Москве. Я Голубовскому не говорил, для какой цели я беру эти бланки, хотя он и спрашивал меня, для чего я беру столько.

6 XI—19 г. *Домбровский.*

Я должен добавить, что я жил под фамилией: «Барановский Саша»; я бывал несколько раз с «Дядей Ваней», т.-е. Хлебныйским у Г. Голубовского.

А. Домбровский.

Пять бланков Военно-Политического Комиссара 46-й стрелковой дивизии с печатями я похитил у Голубовского на квартире.

Домбровский.

III.

Дополнительно показываю, что 25 сентября с. г., в день взрыва на Леонтьевском переулке я был в театре (во 2-й Студии) с Хлебныйским (Дядя Ваня), Ратниковыми, Виленской и, кажется, также Голубовским и перед последним действием мы с Хлебныйским вышли из зрительного зала в фойэ и пили кофе, где мы дожидались Ратниковых и Виленскую, вместе с ними отправились домой на 1-й Троицкий переулок, № дома 5. Когда входили в квартиру, мы услышали какой-то взрыв, но что он означал—я не знал. Насколько мне известно, есть, кроме меня, еще один Саша Барановский, который участвовал во взрыве. Говорили мне это члены группы анархистов «Подполья», но кто именно, не могу сейчас вспомнить.

9 XI—19. *А. Домбровский.*

IV.

Прошу внести поправку, что касается моих предыдущих показаний, будучи очень взволнованным, я перепутал некоторые подробности в своих показаниях: я раньше говорил о том, что ходил куда-то на собрание подпольных анархистов, но теперь я вижу, что я перепутал, никуда на собрание каких бы то ни было анархистов я не хо-

дил (ни подпольных, ни легальных). Отрицаю также и то, что я одолжил Г. Голубовскому деньги; последний у меня никогда денег не просил, а также я ему не давал.

27 XI—19 г. *А. Домбровский.*

V.

Голубовский дал мне около десятка бланков, т. к. я собирался ехать на Украину. Кроме того, я без его ведома взял у него штук пять бланков. Я часть их передал Хлебныйскому, часть их была возвращена в напечатанном виде. Квартиру в Троицком переулке нам указал Голубовский, и мы прямо проехали с вокзала туда. На других квартирах я не жил. Заходил я в гости к Голубовскому и в гост. «Луна» и к Воле. За месяц, что мы прожили вместе, дядя Ваня уезжал в Нижний, потом еще куда-то недалеко под Москвой на дачу на несколько дней. Он намеками дал мне понять, что Леонтьевский переулок— дело рук его организации. Я был очень поражен этим и звал его бросить все и ехать на Украину; он соглашался, но упорно уговаривал подождать 7-го, октябрьских торжеств. Наконец я сообразил, что на 7-е октября назначен взрыв октябрьских торжеств и тогда я решил во что бы то ни стало уехать. Но я, приняв это решение, не думал итти заявить о готовящихся событиях в Ц. К. партии. Я коммунист с 1918 года, но в подпольной организации соц.-дем. работал с 1914 года. К нам на квартиру из товарищей «Дяди Вани» приходили Федя (сидит в М. Ч. К. под фамилией Николаева), Восходов; насколько мне помнится, опознаю по пред'явленной карточке Шестеркина, приходившего один раз.

Лавриненко приходил к Ратникову.

Тратили мы на стол около тысячи рублей в день. На костюм я истратил тысяч семь. Других больших трат у меня не было, а куда истратил, кому давал и сколько вообще было денег у Хлебныйского— не знаю и не видал. Узнав из намеков или почувствовав инстинктивно, что 7-го готовится что-то недоброе, я думал заявить Ц. К., но так как я не предполагал, что это так кошмарно или я просто сомневался, что это может произойти, я решил не заявляя поехать прямо в тыл Деникину, для подпольной работы.

А. Домбровский.

VI.

Раскаяние заблудившегося коммуниста.

В то время, когда Рабоче-Крестьянская власть отражает на многих фронтах бешеный натиск как внешней, так и внутренней контрреволюции, поставившей своей задачей в море слез и крови защитить пролетарскую революцию. В то время, когда на бесчисленных фронтах умирают сотни и тысячи бойцов за благо народа, за благо той власти, которую завоевали пролетарии своей мозолистой рукой. Во имя Революции, во имя освобождения всего человечества идут с долгом

с честью умирать порой молодые, полные жизни наши дорогие товарищи. Я, как рабочий, как угнетенный, с самого начала основания рабочей армии ушел на фронт. В продолжение полутора года я успел побывать на разных фронтах гражданской войны (я не хочу об этом сейчас распространяться, но если понадобится, я смогу указать целый ряд сражений, в которых я принимал активное участие). Уже давно я убедился, что моя жизнь должна быть отдана за революцию, что я должен умереть во имя Рабоче-Крестьянской власти и это меня не страшит. Я чувствую как хорошо умереть, зная за что—умереть сознательно. Но в то время, когда чувствуешь свою вину—ошибку перед рабочим государством и когда думаешь, что тебя могут лишить за это твоего физического существования, то невольно возникает мысль: «умру бесстрашно, но за что—за то, что существует на свете анархизм и существуют отбросы от анархизма (с которыми я, к несчастью, был знаком). За то ли, во что никогда не верил, никогда не был согласен, ибо это шло в разрез с моими убеждениями? За то ли, что все это было мне чуждо и что я был всегда от этого далек? И вот, когда это все анализировать начинаешь, искренно сознавать, какую ошибку сделал и за то можешь умерет не так, как тебе говорит твой разум, не так, как хотела твоя воля, а так, как диктуют условия, грязные условия, в которые так глупо впутался. Невольно возникает мысль, почему не умер, когда кругом свистели белогвардейские пули, рвалась шрапнель, лопались снаряды, падали и умирали твои товарищи. Становится грустно и жалко, что рок почему-то берег меня там, где я с честью умереть мог. Какой позор, какие угрызнения совести переживаешь, что возможно умрешь этой позорной смертью! И как честно и искренно хотелось бы, чтобы тебя перестали считать врагом рабочего государства и своей смертью там на фронте в передовой цепи, рядом с товарищами по убеждению, искупить свою вину—ошибку.

Поэтому я хотел бы, чтобы те товарищи, которые будут разбирать и утверждать мою судьбу, повторяю, я хотел, чтобы они меня поняли и разрешили умереть не здесь, в этих стенах, а там в бою с белогвардейцами, на поле битвы, где разрешается судьба мировой революции.

А. Домбровский.

Показания Александра Гавриловича Восходова.

I.

В Москве я с 4 сентября. В Москву попал проездом из города Житомира в Саратов в 1-ю Стальную дивизию. В Житомире я был шоффером Волынского Губвоенизога. Приехав в Москву, я заболел и лежал в 18-м эвакуационном госпитале, больной сыпным тифом. Какой-то красноармеец видел, как меня с вокзала отвозили в больницу и он об этом сказал Мише Гречаникову. Он служил в одной части со мной. Миша Гречаников был у меня 2—3 раза. Он мне предложил, чтобы я

после выздоровления пришел на квартиру по Арбату, № 30, кв. 58, что я и сделал. Я поселился в этой квартире и жил там недели две. По болезни я ничего не делал. Деньги для житья мне давал Миша. Дал он мне в 4 раза около 16-ти тысяч рублей и я их прожил. Чем занимается Миша—я не знаю. 16 или 17 октября я переехал на новую квартиру, где меня и арестовали. За комнату в обоих квартирах платил Миша. Жил он не со мной. На эту квартиру я переехал по указанию Миши. Вместе с Мишей я служил в дивизии около 6-ти месяцев. При аресте у меня отобрали около 6-ти тысяч. Мне их дал Миша. На этой новой квартире платил за все Миша. Платил он за кормление меня и Шестеркина по тысяче рублей в день. Казимира Ковалевича не знаю. С Шестеркиным меня познакомил Миша. 25 октября я лежал в 18-м госпитале. В продолжение последней недели Петя ни разу не был дома. Никаких вещей у меня не было. На квартире на Александровской был чемоданчик с вещами Шестеркина. Бомбу я видел. К Шестеркину приходил некто Ваня. Одет во френч защитного цвета, в высоких сапогах, бекеше и фуражке, с блестящим козырьком. Лет ему 25, бритый, полный, молодой, здоровый, блондин, волосы короткие. Я замечал, что они от меня что-то скрывают и при мне ничего не говорили. К Шестеркину приходила его жена—Ляля. Те, которые звали нас в Петушки за мясом—это Ляля и его сестра. Где они живут в Петушках—я не знаю. Сегодня я ночевал на Курском вокзале. Миша мне дал подложные документы, так как по моим старым срок выходил. И я жил по этим документам.

Александр Восходов.

II.

В одно со мною время на Арбате, в д. 30, в кв. 58, жила какая-то барышня, лет около 23-х. Вместе с ней жил или приходил к ней молодой человек, лет приблизительно 30-ти, небольшого роста, с кортиком и красноармейским значком. Этого молодого человека я видел, вероятно, 2 раза. Барышня по целым дням дома не бывала и иногда не приходила и ночевать. Явившись по выздоровлении на квартиру по Арбату, № 30, кв. 58, я сказал, что меня прислал Миша и попросил для себя комнату. Хозяйка, Татьяна Никитична, сейчас указала мне комнату. На эту квартиру Миша заходил ко мне раза два и говорил, что если у меня не будет денег, чтобы я вышел в указанный им день к памятнику Гоголя, где он мне давал деньги. Живя у Татьяны Никитичны, я за отсутствием хорошей пищи плохо поправлялся и потому просил Мишу устроить мне квартиру со столом. Миша, спустя некоторое время, пришел и сказал мне, что комната со столом для меня готова на Большой Александровской улице, в д. № 22, указав, что туда надо мне ехать на следующий день на трамвае «Б» до Таганки, где меня будет ждать наш общий по Харькову знакомый Петя Шестеркин, который будет жить вместе со мной. Переехал я на новую квартиру, не предупредивши о том квартирной хозяйки, Татьяны Никитичны. На новой квартире к Шестеркину заходила 2 раза его жена. Первый раз была две недели тому назад. Второй раз в субботу около 10-ти час. вечера. Во

второй раз Шестеркина мужа не застала и я сказал ей, что он уехал на несколько дней и на-днях должен вернуться. Ежедневно я выходил из дому с утра около 10—11 час. погулять на воле до 2-х часов пополудни и возвращался домой. Шапку я купил на Сухаревке за 1.800 рублей, фуфайку за 1.000 рублей.

Александр Восходов.

Дополнительно показываю, что мужчину по кличке «Дядя-Ваня» знаю. Он приходил ко мне на квартиру на Александровскую улицу, в д. № 22, за деньгами, которые мне оставил для передачи ему Миша Гречаников. Дал я ему тогда тридцать тысяч рублей. Раза два я ходил на квартиру к дяде Ване. Пете Шестеркину я передавал деньги, полученные для него от Миши Гречаникова, кажется, 10.000 рублей. Под фамилией Попова я никогда не приходил.

Александр Восходов.

Показания М. С. Молчанова.

Познакомился с Казимиром Ковалевичем в типографии Наркомпуть, где он попросил меня указать типографию, где бы можно было отпечатать «Где выход». Я указал типографию «Свет» на 1-ой Мещанской (недалеко от Сухаревой башни, на правой стороне, против магазина Перлова), принадлежащую Николаю Григорьевичу Корнилову. Отпечатано было 10—12 тысяч. Деньги получил я и платил их Корнилову, точно не помню, сколько тысяч, кажется, двенадцать. На предложение отпечатать еще прокламацию, я наотрез отказался, т. к. в то время прошел слух, что их группа ограбила Народный Банк. Тем самым, не имея с ними одного идейного духа, я не хотел уж в этом случае нести хотя бы морально ответственность за это ограбление. Еще присовокупляю, что с этого времени мне стало казаться, что у них отсутствует идейный дух. После всего этого я не видел Ковалевича и сказать про дальнейшую их работу ничего не могу. Я сам рабочий, типограф, в 1906 г. вступил членом партии С.-Р. В 1907 был арестован и просидел три месяца. В 1913 году опять был арестован и выслан в гор. Ригу, в 1919 г. вступил в партию Р. С.-Д. Р. меньшевиков. Активно выступать против Советской власти никогда не думал. Совершил этот идейный поступок по недомыслию.

Больше ничего сказать не могу. Убит нравственно с тех пор, как оказал Ковалевичу содействие в напечатании «Где выход».

Михаил Семенович Молчанов.

Открытое письмо к московским печатникам [1]).

Товарищи, пишущий эти строки, с.-д., меньшевик, заключенный в Бутырской тюрьме по делу анархистов подполья.

И вот, товарищи, желая уяснить правильность занятой позиции той партии, к которой я по сей день принадлежал, я намеренно по-

[1]) Было опубликовано в «Вечерних Известиях».

селялся не в социалистических коридорах, а в тех коридорах и номерах, где помещались лойяльные люди к Советской власти (беспартийные), бывшие офицеры, попы, прокуроры, заключенные за преступления по должности, спекулянты и т. п. контр-революционный элемент.

Наблюдая за их разговорами и порой вступая с ними в горячие споры, из которых, прямо черным по белому писалось, что они стремятся вовсе не к демократическому строю, посредством Учредительного Собрания, а явно, нисколько не стесняясь в выражениях, к тому сгнившему и давно отжившему царскому строю, к возвращению того былого безконтрольного хозяйничанья и безудержной эксплуатации трудящихся.

Так, например, Советскую власть они называют дикой и жестокой, конечно, по отношению к себе, а власть Керенского—разгильдяйской, опять же в смысле защиты их же чисто эксплоататорских интересов.

И таким образом, товарищи, из приведенных мною нескольких слов, для меня лично ясно стало, что занятая в настоящее время, так называемая, средняя позиция развития пролетарской революции, как Р.С.-Д. Р.П. меньшевиков, так и большинством московских печатников, руководимых правлением Союза несостоятельна и глубоко вредна, ибо она затемняет наше классовое сознание, по одному лишь тому, что мы очутились под обстрелом с двух сторон. С одной стороны, коммунистической партией, ведущей ожесточенную борьбу за интересы трудящихся и напрягающей все усилия для отбития ненадежной отечественной и иностранной от'явленной контр-революции в лице заклятых врагов: Деникина, Юденича и многих других проходимцев. С другой стороны, упомянутыми контр-революционерами, также непризнающие нашей средней промежуточной позиции, расстреливающие, грабящие, насилующие трудящихся и обещающие без стеснения проделать это и при первой победе,—но этому, конечно, не бывать—более в широких размерах, не разбирая, кто коммунист, кто меньшевик, а наша партия и Союз печатников в это время мечтали и посейчас мечтают творить революцию, защищать ее с надушенными носовыми платочками.

Нет, товарищи, пора нам, московским печатникам, имевшим во времена царизма не одну страницу в истории борьбы за революцию, написанную золотым пером, опомниться и сбросить ту повязку с глаз, которая до сих пор мешала пристроиться к рядам борющегося пролетариата, а также вступлению в коммунистическую партию и дружной стеной добить издыхающую контр-революцию и также немедленно взяться за переустройство нашей профессиональной организации из независимой в производственную, как единственно в настоящее время могущую спасти наше печатное дело от окончательной гибели и урегулировать его в дальнейшем.

Улучшить же наше положение продовольственное и экономическое можем только мы сами упорным трудом, сознательной дисциплиной и поднятием интенсивности труда под непосредственным руко-

водством производительного Союза Рабочих Полиграфического производства.

Итак, товарищи, не медля ни минуты, все в ряды Коммунистической партии, как единственно правильно заняьшей и ведущей линию борьбы за полное раскрепощение трудящихся. За переустройство независимой профессиональной организации в производительную! За сознательную работу и поднятие интенсивности в труде, как единственное спасение от надвинувшейся на нас разрухи.

Товарищи, хочется верить, что вы не задумаетесь немедленно провести мое предложение в жизнь и не допустите дожить в таком положении до того момента, когда весь пролетариат будет праздновать окончательную победу над врагами трудящихся без вас, московские печатники.

Так за дело же москвичи-печатники, на активную борьбу с вековечными угнетателями, потому что «на миру и смерть красна»!

Да здравствует Российская Коммунистическая Партия Большевиков!

Да здравствует Московский Производственный Союз Рабочих Полиграфического Производства!

Меня же с сего числа прошу Р. С.-Д. Р. партию считать выбывшим из партии.

26 января 1920 года.
Наборщик типографии Наркомпути, бывш. Курск. ж. д.

Михаил Семенович Молчанов.

Показания Доната Андреевича Черепанова.

(кличка — Черепок) [1]).

I. Я совместно с Казимиром Ковалевичем сорганизовал Всероссийский Штаб Революционных Партизан, который главнейшей целью своей наметил ряд террористических актов. Эта организация и провела взрыв в Леонтьевском переулке. Подготовка этого взрыва, выработка плана и руководство до самого последнего момента было возложено на меня. В самом же метании бомбы я, по постановлению Штаба, участия не принимал. Не будь этого постановления я бы охотно принял на себя метание бомбы. До того, как остановиться на террористическом акте, этот вопрос дебатировался долго у нас в Штабе. Высказывалось несколько мнений по этому поводу. Предлагалось бросить бомбу в Чрезвычайную Комиссию, но это предложение было отклонено по следующим соображениям: Чрезвычайка и сам гражданин Феликс Эдмундович Дзержинский являются только орудием, слугами партии и, следовательно, во всей политике ответственными являются не чрезвычайки, а партия.

---

[1]) В записной книжке П. Соболева имеются сведения о связи Чер. с организацией анархистов подполья, как-то: дни и часы свиданий и пометки о выдаче ему денег. Арестованный 17 февраля 1920 г., в тот же день в беседе с т.т. Дзержинскимъ, Ксенофонтовым, Лацисом, Романовским и др. он дал нижеследующие показания.

Прим. ред.

Собрание 25 сентября главных ответственных партийных работников в Московском Комитете, как нельзя лучше, могло быть рассматриваемо, как главнейшим виновником, тем более, что на этом собрании предполагалось присутствие гражданина Ленина.

Конечно, только нужно сожалеть о том, что жертвами взрыва были не видные партийные работники и никто из более крупных не пострадал. Этот акт, по нашему мнению, должен был революционизировать массы и указать путь, по которому должны итти настоящие революционеры: путь террора и ударов по голове насильников.

На замечание, что при взрыве пострадало много незначительных работников, я укажу, что ваша Чрезвычайка в этом отношении не лучше.

Черепанов.

II. Я полагаю, что всю власть необходимо передать профессиональным Союзам, которые путем товарищеской дисциплины сумеют поднять производительность труда до необходимой, в настоящий момент, степени. В момент гражданской войны и такой колоссальной разрухи я признаю некоторую видимость принуждения труда. Профессиональные Союзы сами мобилизуют достаточное количество людей, необходимых для обороны страны и защиты революции. В профессиональных союзах есть достаточно силы—путем исключения из числа членов — заставить повиноваться; вместе с тем будут избегнуты ошибки сплошной мобилизации: будет учтено и семейное положение, и пригодность мобилизуемого.

Те или другие об'единения Профессиональных Союзов явятся органами власти, а Всероссийский Союз Профессиональных Союзов—верховным органом власти.

Совершенно не важно, если некоторые Профессиональные Союзы в настоящий момент имеют почти черносотенную окраску, классовое самосознание и руководство высших органов всегда смогут, скорее, чем большевистское насилие, революционизировать и эти массы.

III. Как во время июльского восстания левых эсеров, так и теперь, я утверждаю, что партия левых эсеров в тот момент вовсе не хотела захвата власти, так как и тогда, и теперь мы против какой бы то ни было партийной диктатуры.

Единственная цель июльского восстания—сорвать контр-революционный брестский мир и выхватить из рук беков [1]) партийную диктатуру, заменив ее подлинной Советской властью. Лично я, по-крайней мере, о захвате власти никогда не думал.

---

[1]) Так называли большевиков в эпоху подпольной работы. *Прим. ред.*

Хотя Ц. К. партии левых эсеров и исключил меня и всю московскую организацию из партии, но я считаю, что он не правомочен был это сделать, так как на последнем Совете партии ярко выразилось настроение провинции и масс не в пользу Ц. К., а в нашу пользу. Если бы этот Совет не был сорван преждевременными арестами Чрезвычайки, чуть ли не при содействии самих цекистов, то с полной уверенностью можно было бы сказать, что этот Ц. К. не остался руководящим органом, поэтому мы считаем себя настоящими левыми эсерами, сколько бы ни было на сей предмет постановлений. Что касается Штейнберга, Шнейдера и иже с ними—я на них смотрю, как на предателей и подлецов. История вынесет над ними свой правый приговор.

Об одном я сожалею: при аресте меня схватили сзади и я не успел пристрелить ваших агентов.

То, что сейчас творится—сплошная робеспьериада!

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

Памяти жертв в Леонтьевском. *А. Мясникова* 3
От редактора. *П. Макинциан* 5

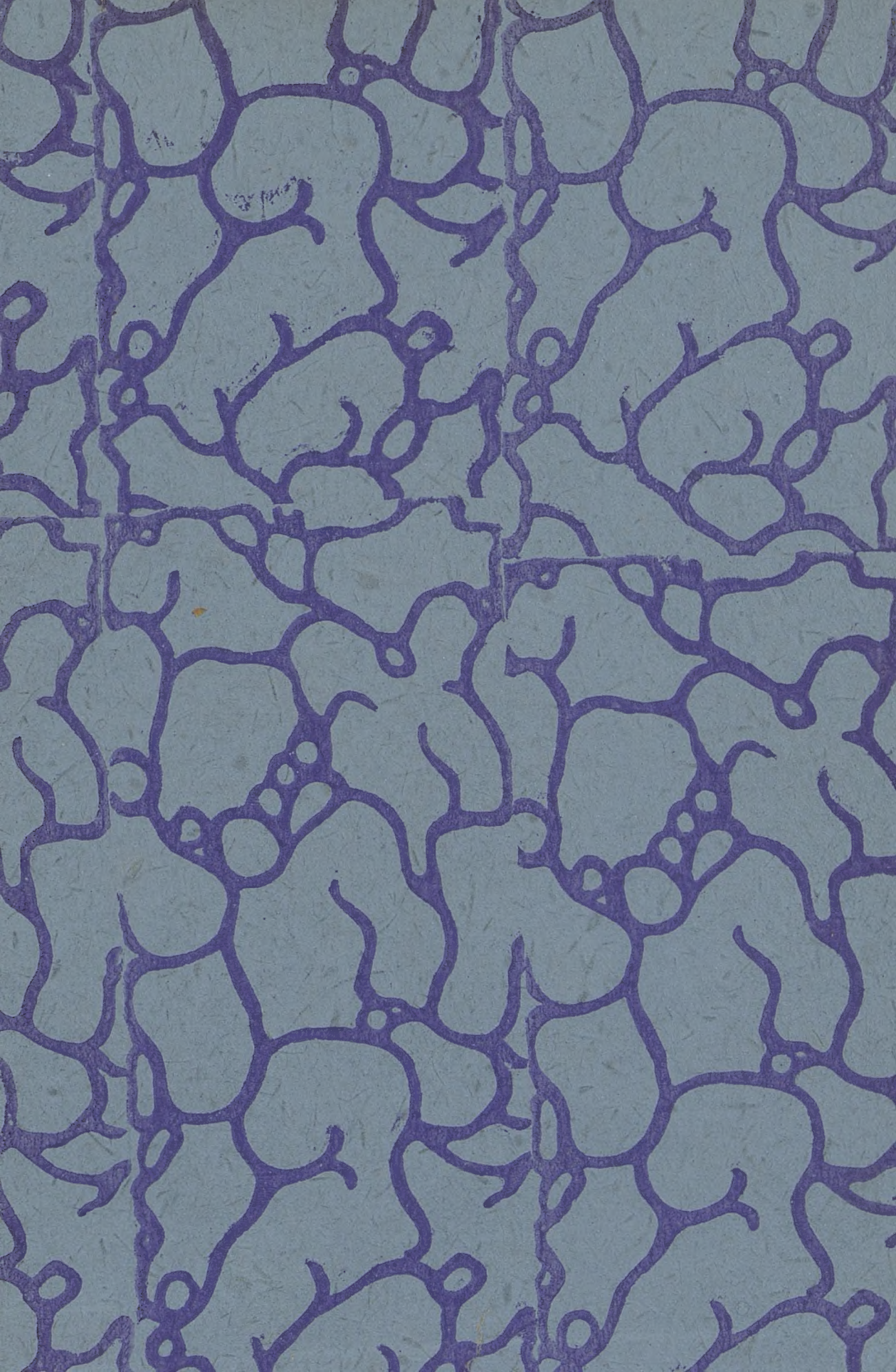
Взрыв 25 сентября 1919 года в помещении Московскаго комитета Р. К. П. по Леонтьевскому пер., 18.

I.—Обстоятельства взрыва.

Сведения о товарищах, убитых при взрыве 25 сентября 1919 г. 10
Список товарищей, пострадавших при взрыве 25 сентября 1919 года 20

II.—«Литература» анархистов подполья.

1) Мы отмежевываемся 24
2) Декларация анархистов подполья 32

III.—Следственный материал по делу анархистов подполья.

Показания *М. В. Тямина* 39
Показания *А. Розанова* 63
Показания *А. Н. Попова (Барановского)* 72
Показания *П. Е. Исаева* 76
Показания *М. Л. Гречаникова* 79
Показания *Н. Н. Николаева* 80
Показания *Л. В. Хлебныйского* 82
Показания *А. П. Домбровского* 84
Показания *А. Г. Восходова* 88
Показания *М. С. Молчанова* 90
Показания *Д. А. Черепанова* 92